

ОКТАБРИНА

Повествование
о первой саамской поэтессе
Октябрина Вороновой

saami.su

Надежда Большакова

ОКТАБРИНА

Повествование
о первой саамской поэтессе
Октябрине Вороновой

Мурманск
2012

УДК 821.0–05(470.21)
ББК 83.3(2Рос=Саа)
Б79

*На первой странице обложки:
Портрет Октябрины.
Художник Сергей Иванов (Великий Новгород)*

Большакова Н. П.

Б79 Октябрина. Повествование о первой саамской поэтессе Октябрине Вороновой / Надежда Большакова. – Мурманск: Государственное областное бюджетное учреждение «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера» — Опимах, 2012. — 112 с., илл.

ISBN 978-5-903748-91-4

УДК 821.161.1.09(093.3)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-903748-91-4

© Н. Большакова, 2012

*Поле жизни — оно бесконечно,
Да другим это поле пахать.*

Октябрина Воронова

И снится мне... Она входит в комнату. Радостная! Такой я никогда не видела её наяву. (Да и в мои сны она ни разу не приходила!) Смотрит в глаза. И кажется — знает обо мне то, чего не знаю сама. Говорю: «Пойдём, покажу тебе музей Октябрины». Улыбнулась: «Я часто там бываю». Спohватилась я: «Октябринашка, проведи меня по музею. Расскажи о себе...»

*Я шевелила кочергой поленья
И вдруг золу задела. И мгновенье
Казалось мне, что ранили меня,
Тупым ножом по сердцу резанули,
Так под золою заискрились угли,
Как будто жар душевного огня.
Я поняла: жилище не ослепнет
До той поры, пока в золе и пепле
Хранится хоть крупинка теплоты...**
(«Который год...»)

* Все стихи Октябрины Вороновой, использованные в книге, приводятся по изданию: Воронова О. В. Хочу остаться на земле. Мурманск, 1995.

Загадочная страна Лапландия

Каждое явление имеет свои истоки. Истоки творчества первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой надо искать в русской Лапландии.

В детстве, перечитывая сказку Андерсена «Снежная королева», я гадала, где же находится эта загадочная страна, которая поражала воображение настолько, что казалась выдуманной, несуществующей. Детство сменила юность, и я узнала, что андерсеновская Лапландия не плод фантазии писателя, а реальная часть материка, омываемая морем Баренца, — страна вечной мерзлоты. Для кого-то суровая, неприветливая, для саамской поэтессы Октябрины Вороновой — дом, тепло родного очага, с таинственной темно-бархатной полярной ночью, удивительной игрой северного сияния, заполярным белым летом...

*Земля родная!
Ты всегда красива,
Всегда ты неоглядна и близка,
Омытая дождями в дымке синей,
Воспетая людьми во все века.*
(«Земля»)

Именно Лапландия сохранила миру древний народ — саамов.

*Пролистаем, как книгу,
Назад за страницей страницу
Жизнь таежной земли,
И озер, и болотистых тундр
И уйдем в край такой красоты,
Что во сне не приснится,
Край оленных людей —
Молчаливых суровых натур.*
(«Тайна Бабьего озера»)

Первые письменные упоминания о лопарях встречаются у Тацита (I век до н. э.), который писал, что саамы считают себя счастливее тех, которые «вздыхают над плугом, устают при постройке домов, мучаются страхом за свое имущество и жаждут чужого добра. Не боясь ни несправедливости людей, ни гнева богов, они достигли того, что более всего трудно: им ничего не нужно жалеть».

Известия о саамах можно найти у Прокопия Кесарийского, византийского писателя-историка (VI век до н. э.), Адама Бременско-

го, северогерманского хрониста (1066 год), Саксона Грамматика, датского хрониста-летописца (конец XII века). Кто же такие саамы?

М. М. Пришвин говорил о саамах как о забытом всем культурным миром племени, о котором не так давно (конец XVIII столетия) в Европе рассказывали страшные сказки: мол, тело их покрыто косматыми и жесткими волосами, а сами они одноглазые и переносятся со своими оленями с места на место, как облака. Русские путешественники и исследователи в числе первых отметили, что «лопари — народ честный, добрый, услужливый, гостеприимный, веселый, идеально кроткий в семейной жизни» (А. М. Кельсиев). И что «нет на севере Европы народности более своеобразной по самобытности жизненного уклада, материальной и духовной культуре, чем саамы-лопари» (В. Кошечкин).

Есть старинный обычай у вдов, матерей:

Все печали выплакивать серым горам,

Где, как эхо, извечная боль лопарей

Накопилась в ущельях по скалам и мхам.

(«Горы»)

Знакомясь с топонимикой Кольского полуострова, замечаешь, что названий со словом «саам» нет, зато с корнем «лопь» предостаточно: Лопкий мыс, Лопарская река, Лопский наволоок. Конечно же, эти названия давали не сами саамы, а новгородский люд, заселивший Кольский полуостров четыре столетия назад. В советское время, в 30-х годах, когда шла ожесточенная борьба с «наследием прошлого», началась и замена одних названий другими, так называемая «унификация лопарского языка», и лопарям вернули их самоназвание — саамы. Лопарская терминология столь сильно вошла в жизнь саамского народа, что попала и в произведения саамских поэтов, в том числе в поэзию Октябрины Вороновой.

Во все века мир интересовался Лапландией — «маленьким кусочком» девственной земли с таинственными жителями — лопью, которые «все до единого были колдунами и могли управлять явлениями природы». Это возбуждало интерес к земле за Полярным кругом: исследователи, этнографы, историки ехали сюда, чтобы собственными глазами увидеть сказочную Лапландию и ее обитателей.

Разноречивы их отзывы о Лапландии, но в том, что край этот уникальный, сходятся все.

*Тундра моя — моя жизнь и любовь навсегда.
Сколько вершин у тебя, словно скатерти, ровных.
Как хорошо здесь, у неба! Да только сюда
Труден подъем среди скал и ущелий огромных.*

(«Тундра моя — моя жизнь и любовь навсегда...»)

«Это было давно...»

О происхождении саамской земли и человека у лапландцев есть несколько версий. Существовали два начала: доброе — в образе бога Иммель-айя, и злое — в образе чёрта Перкеля, равных по силе и возможностям. Когда бог захотел сотворить мир, он стал советоваться с Перкелем о том, как лучше его обустроить. Не придя к единому мнению, они сильно поспорили, и Перкель заковал в железные цепи Иммель-айя, взгромоздив на него большую гору. Накопив силы, вырвался Иммель-айя на свободу и на этот раз сам Перкеля пленил. Так началась борьба добра и зла. В 1926 году космогоническая саамская легенда была записана Леоном де Комбре:

*Иммель вызвал дующий штормовой ветер
и разъяренных воздушных духов...
Вспененная, быстрая, поднявшаяся до неба,
пришла морская стена, сокрушая все.
Иммель одним сильным ударом
заставил перевернуться землю;
потом он снова выровнял мир.
Теперь горы и возвышенности
Не могут быть увидены Пеййве —
Наполнена стонами умирающих людей
была прекрасная земля, дом человечества.
Не светил больше Пеййве в небесах...*

В черновых записях Октябрины Вороновой, хранящихся в музее её имени, я нашла страницы, посвящённые саамской мифологии, истории, этнографии. И всё же не могла понять, откуда поэтесса узнала о легенде, которая стала доступна широкому читателю только в девяностых годах? А ведь у Октябрины в стихотворении о Ловозерских горах, написанном в восьмидесятых, повторяется версия, записанная Леоном де Комбре.

*...Это было давно.
Уж не помнят и деды,
Как дрожала земля, сея ужас и страх,
Как сгорали кунницы, олени, медведи
В тех огромных и жарких всеядных кострах...
(«Ловозерские горы лишь с виду пологи...»)*

Может, генетическая память подсказала или кто-то из старых людей рассказал? Теперь это тоже стало тайной.

Матрёна-прародительница

Большинство саамов считали основателем своего рода Мяндаша — человека-оленя и прозывались Ментушатами. В саамской мифологии этот олень занимает особое, божественное место. Большой, белый, с чёрной головой и золотыми рогами, наделённый разным содержанием: Мяндаш-анитуч — олень дающий, Мяндаш-пырре — олень благо или добро и так далее. В одних легендах он сын колдуньи — нуэйты Коддь-акки, в других — сын Мяндаш-девы, важенки-девы. Да и сам Мяндаш во многих легендах женится на человеческой женщине, но живет с ней недолго и снова уходит в горы. Его судьба таинственным образом связана с землей саамов.

Старики говаривали, что все лопари или от Мяндаша, или от Матрёны пошли. О том же говорят сохранившиеся названия: Мадреннъярь — мыс Матрёны или Матрёнин наволок, озеро Матрёнино, Матрёнинские острова...

Существовала легенда: давным-давно жила в саамском погосте на берегу реки Поной девушка необычной красоты. Прекрасно управлялась с оленями, слыла хорошей лыжницей, отличной охотницей. Со всего края приезжали в погост к ней свататься женихи, и всем им она предпочла человека-оленя. От Матрёны и человека-оленя Мяндаша пошли лопари Летнего Наволока (погосты Каменка и Иоканьга), где часто встречаются фамилии Матрёхиных, Койбиных, Телешовых.

Причём фамилия Матрёхиных входит в список самых распространенных из шестидесяти саамских фамилий.

Её в девичестве носила и Октябрина Воронова, родившаяся в небольшой деревеньке с красивым саамским названием Чальмны-Варрэ, что в переводе означает «глаза леса».

С бурным заселением Севера приезжими саамские парни и девушки все чаще стали жениться и выходить замуж за русских, коми, карел. Не случайно среди русских в селе Варзуга было девяносто Мошниковых, а в Поное — сорок Матрёхиных.

Мне удалось обнаружить список учеников Каменской трудовой школы 1-й ступени. Из десяти учащихся — четверо Матрёхиных: Ефим, Михаил, Егор, Клавдия (мать Октябрины).

Чальмны-Варрэ

*От Ловозера к Поною
По течению плывем.
Мы не той ли синевою
Рождены в краю родном?
По следам преданий старых,
Столь же древних, как леса...
Чальмны-Варрэ, Чальмны-Варрэ,
Вы лесов густых глаза!*

(«Чальмны-Варрэ»)

В 1920 году в погост Каменка приехал бравый матрос. Организовал школу, стал в ней учительствовать. Учебные пособия — небольшой огрызок карандаша да клочок бумаги. Ими поочередно пользовались школьники-малыши и их бородатые отцы.

Это был Иван Иванович Артьев, родившийся в 1880 году в деревне Усть-Цильме. Служил на Балтике на крейсере «Минин». Там проявились его любознательность и тяга к знаниям, но за участие в Кронштадтском восстании провел три года в тюрьме и несколько лет в ссылке. Семейой обзавелся только в 1918-м. Тогда же из Каменки с домочадцами перебрался на новое место.

За ними потянулись другие. В местечке Чальмны-Варрэ, которое по весне глубоко заливали талые воды, близ устья реки Кинемур были поставлены первые избы.

Этнограф В. В. Чарнолуский, впервые побывавший в Чальмны-Варрэ, писал: «Если плыть по реке Поною, деревня видна издалека, а добираться до неё по извилинам реки очень долго»*.

* Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. — М.: Мысль, 1972.

*Ведика Поной-река:
где мелка, где глубока,
где замрёт среди болота,
где о камни трёт бока.*

(«Велика Поной-река...»)

Вот как Чарнолуский описал деревню: «То она маячит на виду, то, кажется, вот-вот ухватится за крыши домиков — ан нет, погоди! Стоят избы у самой кромки берега, на самом мысочке. Здесь как бы с неба свалился хаос огромных валунов. На некоторой части этого хаоса, на самых камнях, построены надёжные избы: одна саамская тупа и одна вежа. Малые домики оконцами смотрят в окна больших изб».*

Переселенцев привлекли сюда широкие тундровые просторы, сытные пастбища для оленей, обилие рыбы в реках и озёрах. По фамилиям и именам основателей селение долгое время называлось то Артиевкой, то Ивановкой, а с 1932 года за ним закрепляется старое название этого места — Чальмны-Варрэ.

Уже в марте 1930 года жители селений Ивановка, Каменка и Краснощелье, находившихся в среднем течении Поной, создали своё коллективное хозяйство «Красная тундра».

Чальмны-Варрэ не было крупным селом района, но всё же за годы Советской власти неузнаваемо изменился его облик: были построены начальная школа, сельский клуб, библиотека, хлебопекарня, магазин, медицинский пункт, почтовое отделение. Село было электрифицировано и радиофицировано. К пятидесятым годам в Чальмны-Варрэ появилось много жилых домов. Колхоз постоянно оказывал помощь членам артели денежными ссудами, строительными материалами, транспортом. На окраине села раскинулись колхозные фермы, электростанция, подсобные помещения. Люди жили верой в новую прекрасную жизнь.

Весело отмечали и праздники. Накануне Пасхи парни посреди деревни строили большие качели, и в светлый воскресный день качались на них празднично одетые жители. В ночь на Ивана Купалу в лесу собирали травы. Пучок обязательно должен был состоять из двенадцати различных травинок. Их высушивали, а в дни болезней запаривали и пили настой — боль как рукой снимало. На Прокопьев день ночью на звёзды желание загадывали — сбывалось. С Рождества ряжеными бегали. Гадали: наступят на свежий снег, а утром смотрят,

* Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. — М.: Мысль, 1972.

что со следом стало. А еще девушки глаза завязывали и из поленниц чурки вытаскивали. Сучковатая попадалась — свекровка сварливая будет, ровная — дом полная чаша, серёдка гнилая — муж больной.

Работая над родословной Октябрины Вороновой при создании музея её имени, я с сожалением думала, что облик Чальмны-Варрэ, родной деревни первой саамской поэтессы, уже не восстановить. Но произошло чудо — встреча с уроженками этой деревеньки, ныне жительницами Краснощелья, Софьей Назаровной Захаровой и Анной Лаврентьевной Речевой, 1928 и 1933 годов рождения. Обе они в девичестве Матрёхины, и Октябрине Вороновой являются ближайшей и дальней родственницами.

Мало того, что они по памяти точно восстановили расположение домов и хозяйственных построек, но и назвали 53 семьи, что составило около трёхсот человек, вспомнили с точностью до года даты рождения детей, прозвища местных жителей! Например, Михаила Фёдоровича Койвина все звали не иначе, как Ирын-Мишка — по имени его матери Ирины, Артьеву бабу Варвару — Варенье-бабка.

Мне удалось выяснить, что в Чальмны-Варрэ проживало 25 саамских семей, 14 семей коми, остальные семьи — русские и ненецкие. Из 25 саамских дворов только 19 составляли Матрёхины — род Октябрины Вороновой. Перечислю всех:

Матрёхин Лаврентий Иванович, жена Татьяна Егоровна, пятеро детей — родной дядя Октябрины.

Матрёхин Назар Алексеевич, жена Любовь Павловна, трое детей — еще один дядя Октябрины.

Матрёхин Петр Ильич, жена Александра Филипповна, семеро детей.

Матрёхин Иван Ильич, жена Ефросинья Филипповна, восемь детей.

Матрёхин Афанасий Фёдорович, жена Агафья Ионовна, семеро детей.

Матрёхин Илья Алексеевич, жена Варвара Афанасьевна, пятеро детей — дядя Октябрины.

Матрёхин Григорий Трофимович, жена Александра Ивановна — бабушка и бабушка Октябрины.

Матрёхин Егор Назарович, жена Таисия Ионовна, четверо детей.

Матрёхин Афанасий Фёдорович, жена Мария Ивановна, семеро детей.

Матрёхин Владимир Михайлович, жена Клавдия Григорьевна, шестеро детей — родители Октябрины.

Матрёхин Василий Алексеевич, жена Зоя Васильевна, мать Хавронья, брат Игнатий.

Матрёхина-Данилова Татьяна Филипповна, муж Василий Федотович, трое детей.

Матрёхин Иван Трофимович, жена Александра Александровна, трое детей — дед Октябрины.

Матрёхин Василий, жена Дарья, двое детей.

Матрёхин Алексей — дед Октябрины.

Матрёхин Фёдор Иванович, жена Матрена Алексеевна, трое детей.

Матрёхин Афанасий Философович, жена Прасковья Мироновна, трое детей.

Матрёхина Елена Григорьевна, муж Игнатий Алексеевич, четверо детей — родная тётка Октябрины.

Матрёхина Аграфена Осиповна.

И хотя в Чальмны-Варрэ больше проживало саамов, почему-то все в основном разговаривали здесь на языке коми.

Констатировав феноменальную память Софьи Назаровны и Анны Лаврентьевны, хочется рассказать и о них самих. Обе закончили в Чальмны-Варрэ по четыре класса и пошли работать. В Ловозеро, в интернат учиться, ни Софью, ни Анну родители не отпустили. В больших семьях Матрёхиных Назара и Лаврентия дети часто умирали. Родители переживали за дочек, а потому держали при себе. Анне мать даже женским рукоделием заниматься не разрешала. Старшие сестры, большие рукодельницы, умерли, вот мать, боясь потерять последнюю дочь, запрет и наложила. Софья же уже в двенадцать лет четырехлетнему братишке Луке втайне от матери пимы сшила.

В годы войны в окрестностях Чальмны-Варрэ бродило множество волков. Подчас пробегали они и по деревне. В 1942-м Софья работала перевозчиком* в райде и вспоминала, как саамы берегли оленей от волков. Заслышат вой, тропинку вокруг райды сушняком выложат, и давай по нему ступать. Гул да треск по всему лесу шел.

Вспоминает Софья Назаровна, как в школу пошла: слов ни на русском, ни на коми не знала и все картинки в букваре только по-саамски называла. Прошёл год, и тараторила она уже одинаково хорошо на всех трёх языках деревни — саамском, коми, русском.

* Для перевозки грузов и людей по тундре саамы использовали т.н. «посзд» из оленей, запряжённых в сани.

Работая при оленях, полюбила вольную тундровую жизнь. В райде и с будущим мужем краснощельцем Николаем Захаровым познакомилась, замуж за него пошла.

Что же касается Анны Лаврентьевны, то она себе суженого уже в восемь лет выбрала. Как-то играла с подружкой у школы и увидела двух взрослых парней, двух Василиев: один седой, другой как смоль чёрный. Вот тогда-то и запал маленькой Ане в душу чернявый красавец. На дворе 1941 год. Уходил Василий на фронт. Следующая встреча состоялась только через пять лет. Пришёл он с войны перед самым Новым годом — в белой шубе, в солдатской шапке. Глянула тринадцатилетняя Анна и обмерла: парень-то еще краше стал, хотя и поседел весь. Поначалу Василий Анну не замечал, а как исполнилось той пятнадцать, словно пелена с глаз спала: увидел и влюбился.

Стали встречаться, в гости ходить... Василий Анны на двенадцать лет старше, потому, наверное, и со свадьбой не торопил. Только когда ей 22 года исполнилось, замуж взял. Так тридцать лет душа в душу и прожили Анна с Василием, пока не умер тот. Теперь подруги зиму у дочерей в Ревде живут, а лето — в Краснощелье, куда им пришлось перебраться, когда деревню неперспективной объявили.

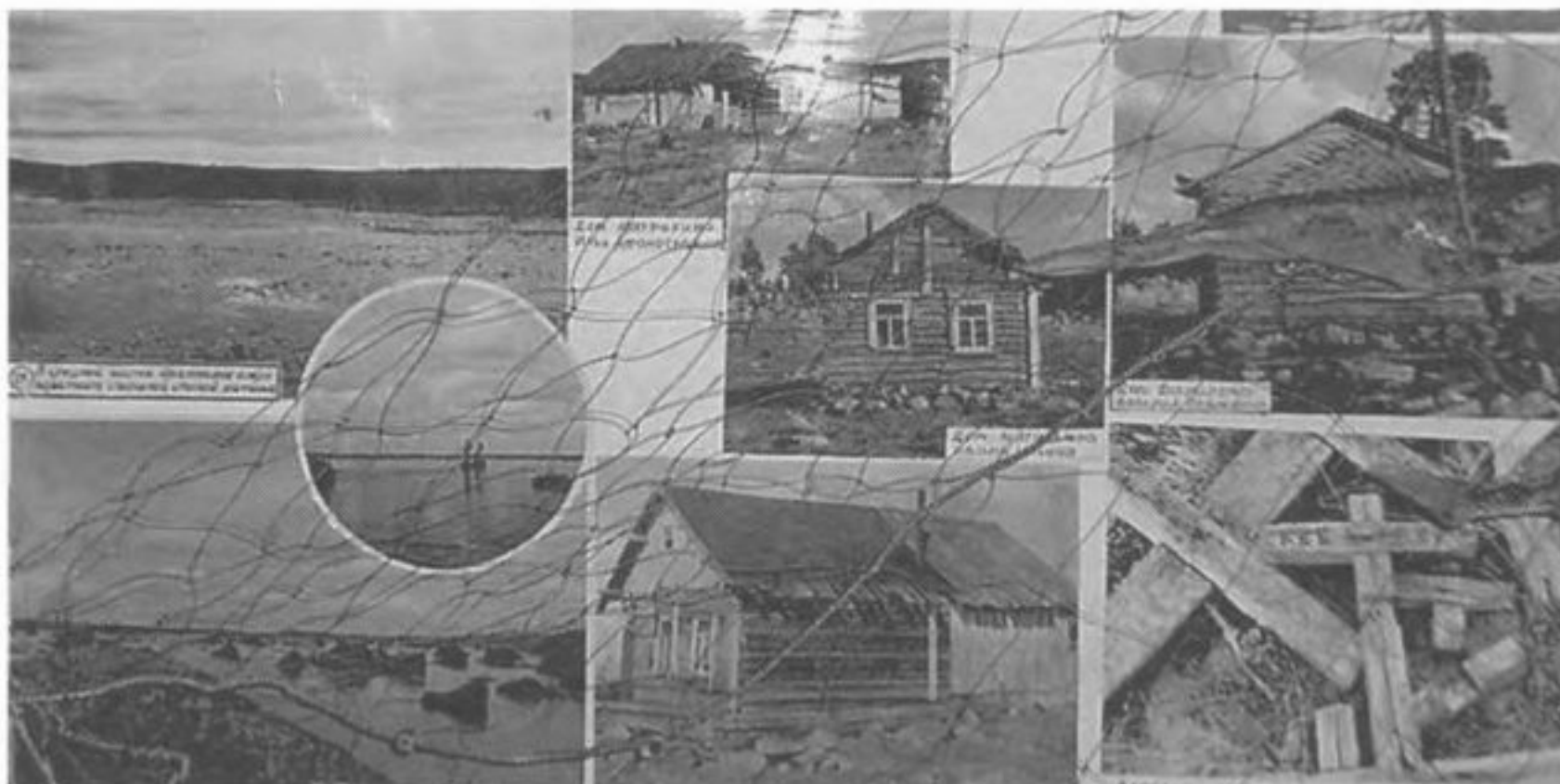
С любовью и тоской вспоминают жители свои Чальмны-Варрэ. Никаких распутиц, грязи... Между камнями деревянные мосточки от дома к дому настелены — красота!

В 1953-м колхозы «Краснощелье» и «Красную тундру» объединили. Новому хозяйству имя Ленина дали, а затем Чальмны-Варрэ и вообще неперспективным признали, жителей стали в Краснощелье переселять. Там таких мостков уже не было, летом песок в кровь ноги стирал, а по весне и осенью только в резиновых заколениках можно было пройти. К 70-м годам деревня Чальмны-Варрэ опустела совсем:

*...Обезлюдела наша деревня,
Знать, такая настала пора...*

(«Первый снег принесла непогода...»)

В марте 1983-го Октябрине Владимировне пришло письмо от земляка Николая Кузнецова, сына Василия Алексеевича Матрёхина, который писал: «Нельзя, прочитав ваши стихи (особенно о Чальмны-Варрэ), не сказать вам, дорогая Октябрина Владимировна, большое спасибо. Низкий Вам поклон от всех земляков, а особенно от

*Стенд, посвященный Чальмны-Варрэ,
в музее им. Октябрины Вороновой, пос. Ревда*

ивановских ребят и девчат. Хотя всем, кто помнит вас по Ивановке, уже далеко за тридцать. Нет уже нашей Ивановки, и всё же она живёт в наших воспоминаниях, воспевается в стихах. Спасибо!»

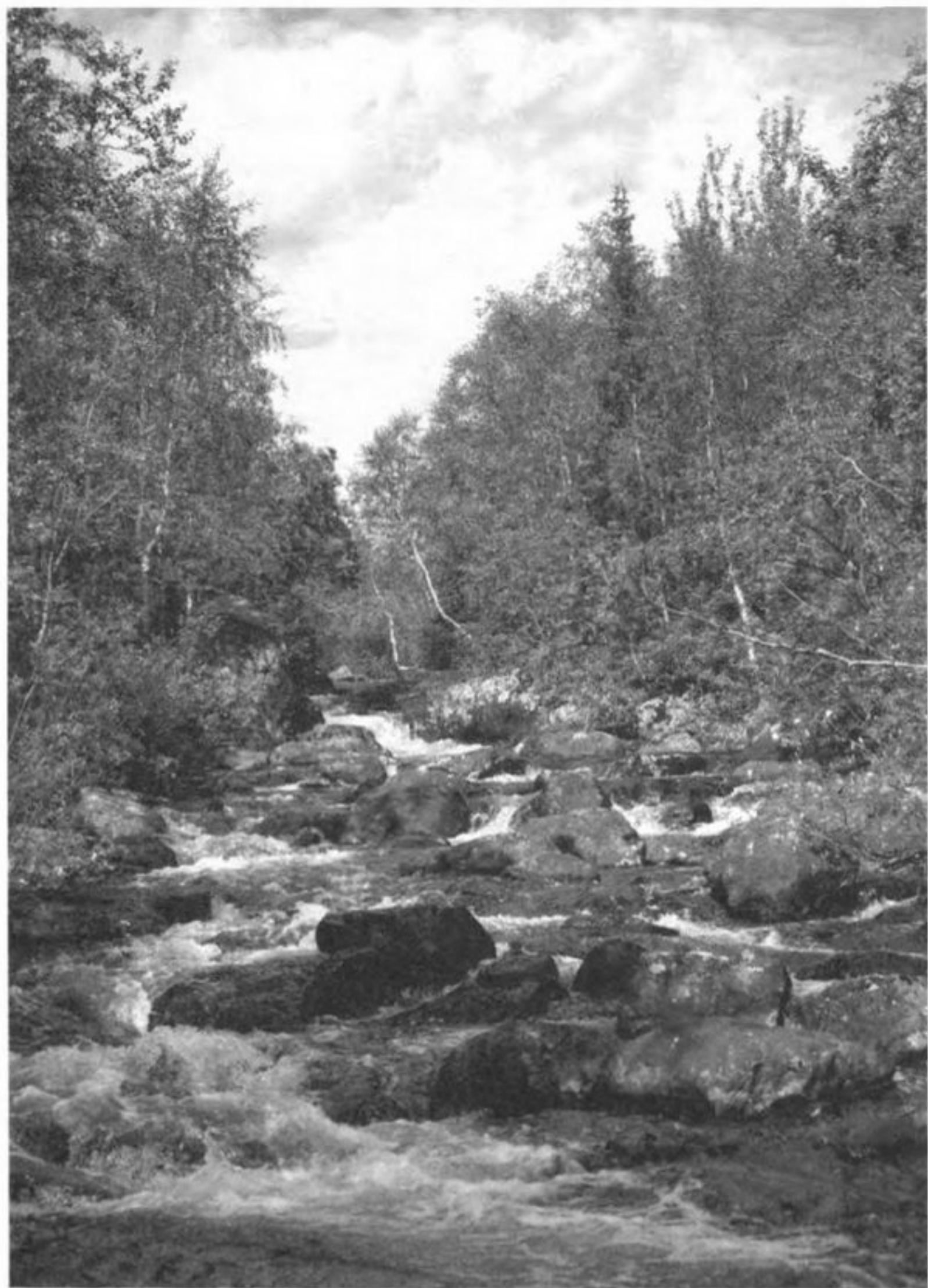
Камни Поноя

В 1973 году учёный мир взволновало открытие. В бывшем поселении Чальмны-Варрэ были обнаружены петроглифы — рисунки, выбитые на камнях. Позже Октябрина писала:

*Давней жизни строгие творенья
Сохранили в камне времена.
И река притихла на мгновенье,
Этим волшебством поражена.
И застыли на граните сосны,
И с высот бездонно голубых
Загляделось нынешнее солнце
На рисунки пращуров моих.*

(«Рисунки на камне»)

Учёные предполагали, что возле чальмны-варрской сопки во время сезонных миграций дикие олени переправлялись через реку.

По-видимому, первобытные люди устраивали здесь засады и били животных на плаву или при выходе на берег, а после успешной охоты справляли празднества с ритуальными действиями. Возможно, это место было и святилищем саамов.

Петроглифы Поноя создавались на протяжении длительного времени, поэтому более поздние выполнены несколько схематично, но значительно совершеннее и разнообразнее по тематике.

Н. И. Гурина, доктор исторических наук, археолог, рассказывает, что самой уникальной сценой, изображенной на камне, является сцена «День рождения оленёнка». Это довольно крупная фигура оленя с большим отвислым животом, под которой перпендикулярно выбита фигурка маленького тоненького оленёнка. А рядом — двойной круг, символ солнца, символ жизни: «Жизнь без оленей — как будто без соли еда...».

Местные жители, узнав о петроглифах, припомнили, что и на самом деле находили около камней, лежащих близ воды, куда обычно чальмны-варрцы приходили полоскать бельё (и Октябрина в том числе), кусочки сухой охры или краснотёма. Потому, наверное, по исчислению времени появились такие её строчки:

*И как будто ожил он, вздыхая,
Отходя от векового сна.
И на лбу широком проступая,
Древние открылись письмена:
Человек преследовал оленя.
А олень летел что было сил,
И шаман усталый на коленях
Прямо к солнцу бубен возносил...*

(«Рисунки на камне»)

*Камень Поноя
в Ловозерском музее*

Ученые, проводя эксперименты с красной охрой, пришли к выводу, что древние саамы использовали её в обрядовых церемониях. Скорее всего, ею подкрашивали изображения, эффект получался потрясающий. «Люди, звери» на сером камне при солнечном освещении горели огненным цветом и удивительно гармонировали с ярко-голубым фоном воды.

Камни Поноя со своими письменами-петроглифами будили воображение и маленькой девочки, будущей поэтессы.

Камни, камни, камни, камни.

Молчаливы, холодны,

Как росы студёной капли,

Как дыхание луны...

(«Камни, камни, камни, камни...»)

Когда Октябрина узнала о вынужденном переселении родных из деревни, ей было не просто смириться с этой мыслью, ведь могилы предков оставались без заботы и внимания. Деревня опустела, и она лет двадцать не ездила туда, а побывав вновь, написала:

На миг вернулась в юность,

Пропавшую в дыму,

Как будто прикоснулась

К заветному чему.

К тому, что отгорело,

Волнуясь и любя.

Как будто посмотрела

Сквозь зеркало в себя.

(«На миг вернулась в юность...»)

Тайна!..

Род Матрёхиных

Но вернёмся к роду Матрёхиных. В начале тридцатых годов житель деревни Чальмны-Варрэ, спокойный и немногословный саам Григорий Трофимович Матрёхин, всю жизнь промышлявший охотой и рыбной ловлей, знавший тундру, следы и знаки её, как собственную ладонь, выдавал замуж дочь свою Клавдию.

Местные жители Григория Трофимовича прозывали не иначе, как Тэрхим Рэга. Многие побаивались его, считали колдуном: уж очень чёрен он был лицом, удачлив в охоте и рыбной ловле. А всё просто: от солнца и ветра кожа старика обветрилась и загорела, а удача объяснялась наблюдательностью саама: в какое время, где и на какой глубине «сига ловить, на какой кумжу, когда сеть на самое дно опускать, а когда чуть замочить в волнах».*

*Нынче на селе не знают горя.
Пусть зудит над ухом мошкара!
Приплывает в лодке дед Григорий
С грудой серебристого добра.
На рыбалке солнцем облучённый,
Ветром опалённый — ничего! —
Рыбу раздает Григорий Чёрный:
Прозвище такое у него.*

(«Встреча»)

Таким помнила деда и Октябрина Воронова, а её родная сестра Ираида Виноградова, позже также ставшая саамской поэтессой, добавляла к рассказу сестры то, что Григорий Трофимович, несмотря на свою удачливость, как оказалось, владел только двумя оленями, подаренными «за первый зуб». Была такая традиция в саамских поселениях — первому, кто увидит у младенца прорезающийся зуб, отец ребёнка дарил оленя, если, конечно, они у него имелись. Вот деду Григорию и повезло. Вообще же семья жила очень бедно, мать с отцом поднимали двенадцать дочерей, а единственный сын умер ещё в младенчестве. Когда же Григорий Трофимович решил отдать замуж дочь Клавдию, тут-то и поторговался за неё с Владимиром Распутиным. Мудрым был стариком, «на общественных началах даже деревенской часовней заведовал».**

Клавдия Матрёхина, 1910 года рождения, росточком выдалась в мать — маленькая, хрупкая. В годы войны пастухом работала, кочевала за стадами оленей. В зимнюю стужу и осеннюю распутицу неделями, месяцами с подругами в чуме жила. Уходить от оленей далеко нельзя, тогда их особо берегли.

* Калиниченко А. Бисер не рассыпать.// Полярная правда. — 1983. — 08 марта.

** Попович Т. Если б назвали легендой, она бы обиделась.// Мурманский вестник. — 1998. — 26 мая.

*Уезжает Клавдия.
У дома — упряжка.
Двести вёрст по сугробам
Протянется след.
Тут бывалым мужчинам
И то будет тяжело.
Ну а женщине?..
(«Военный почтальон»)*

Женщина она была добрая, великая труженица! За свою жизнь кем только ни работала: пастухом, рыбачкой, почтальоном, дояркой.

Вышла Клавдия Матрёхина замуж за Владимира Распутина, который записался на фамилию жены и также стал Матрёхиным. На фамилии Руспутиных оставаться запретила ему мать Анна Петровна. Это особый разговор.

Об отце и матери Владимира Распутина (Матрёхина) хотелось бы сказать подробнее.

Отец Владимира, Михаил Иванович Распутин, 1881 года рождения, был сыном диакона Архангельской епархии. В 1897 году окончил Архангельское духовное училище и псаломническую школу из двух классов и в июне 1910 года в сане священника был направлен в Богоявленскую церковь села Ловозеро Архангельской епархии.

Семья у родителей Владимира, Михаила Ивановича и Анны Петровны, была большая: старшие дочери — Калерия и Мария (1901 и 1902 годов рождения) — учились в Архангельском женском училище, Михаил (1904 года рождения) — в духовном. При родителях жили Ольга (1907), Владимир (1909), Иоанн (1913) и младшенький Александр (1926).

Жил Михаил Иванович справно, хорошо. Были у него свои олени, озеро близ села, где священник рыбачить любил. Приходившим рыбакам обычно говорил: «Иди, сыне, дальше! Вон рядом Ловозеро. Там и воды, и рыбы больше. А мне отлучаться нельзя, у меня здесь храм, служба. Могу в любой час потребоваться».* Так у местного населения озеро и отвоевал, его до сей поры Поповским зовут.

Частенько о ловозерском священнике и газета «Полярная правда» писала. В заметках говорилось, что жил Михаил Распутин «гладко, хозяйственно... умел ладить со всеми... не пропускал ни одного митинга... за коммунистов громче всех говорил...»** В воспоминани-

* Кожевников А. В. Солнце ездит на оленях. — М.: Детская литература, 1972. — С. 142.

** Киселев А. Мурманские коми. // Полярная правда. — 2004. — 19 июля.

Мать Октябрины
Матрёхина
Клавдия Григорьевна

Отец Октябрины
Матрёхин
Владимир Михайлович

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

Родившиеся
Владимир Михайлович
1909
года рождения

Майрёхина
Клавдия Григорьевна
22 1909
года рождения

1911-1933. Девица на замуж
20 января 1933
г. в семье Григорьев
и Петровых

О чем в книге записей актов гражданского состояния
о браке 1933 года 19 января
19 числа приведены соответствующие записи
№ 6

После регистрации брака приняты фамилии:
мужу Майрёхин
жене Майрёхина

Место регистрации п. Крамошное
Ивановский район
Ловозерской, Мурманской
областей

Дата выдачи 10 января 1964

М. П. И-СВ № 032070

Подписавший Експ. записей
актов гражданского состояния Л. Ю. Ю.

Свидетельство о браке родителей Октябрины

ях сельчан оставался добрым, ни в чём людям не отказывавшим. Прихожане его уважали. Не было случая, чтобы кто-то позволил себе при нём матом выругаться. По праздникам любил отец Михаил по домам прихожан с поздравлениями ходить. Бывало, богатые-то так наугощают его, что к беднякам появлялся уже навеселе. Ничто человеческое не было чуждо ему, этим местных жителей и подкупал.

В начале тридцатых начались гонения на церковных деятелей, репрессии. В 1932-м забрали и Михаила Распутина. По некоторым данным, оказался он на Соловках, где решил возобновить деятельность церковнослужителя, за что под расстрел и попал.

Жена, Анна Петровна, боясь, что арест мужа повлияет на судьбу детей, вернула себе девичью фамилию — Евсеева, а создающему свою семью Владимиру строго наказала взять фамилию жены.

И всё же не укрыла фамилия Матрёхиных Владимира Михайловича, через полтора месяца после свадьбы, 26 мая 1933 года, его арестовали. По решению «тройки» ОГПУ Ленинградского военного округа он был осужден по 58-й статье на два года лишения свободы условно. Пока Владимир сидел в тюрьме, познакомился с моряком, принимавшим активное участие в Октябрьской революции, который и стал ему на время заключения настоящим другом. И когда 6 октября 1934 года в семье Матрёхиных родилась дочь, отец назвал её в честь друга-матроса и Октябрьской революции — Октябриной.

*В семье, где дочь рождалась,
Как юная весна,
Там дерево сажалось —
Зелёная сосна...*

(«Отчий край»)

И всё же о самой Октябрине чуть позже. В годы войны её отец Владимир Матрёхин, как многие его сельчане, был зачислен в разведку, служил в особом — оленном отряде. Однажды по заданию командования добирался он с Егором Назаровичем Матрёхиным до назначенного места. Ехали долго, решили передохнуть. Куваксу поставили. На большом железном листе огонь развели... Тут откуда ни возьмись «хейнкель», пальбу открыл. Хорошо, снег под листом вытаять успел, вот чальмны-варрцы в образовавшуюся яму и спрятались. Когда немецкий разведчик улетел, к своим на оленях дальше поспешили. За выполненное задание оба разведчика были награждены медалью «За боевые заслуги».

*Перелетая через Лицу,
Весёлые
Смолкают птицы.
Здесь миром правит тишина.
И лишь трепещущей листвою
Берёзки шепчут меж собою
О том, что кончилась война.
(«Западная Лица»)*

После многочисленных перенесённых ранений, полученных в военное лихолетье, Владимир Михайлович Матрёхин долго болел и умер в 1967 году в больнице Мурманска, похоронен на городском кладбище рядом с младшим братом Евсеевым Александром Михайловичем.

Исследуя родословную Октябрины, я узнала, что поэтесса была не только русско-саамского происхождения, но и с примесью крови народа коми, полученной ею от одной из прабабок по линии Распутиных.

По этому поводу Владимир Александрович Смирнов, переводчик стихов Октябрины, говорил, что именно она первой на Севере и заговорила о равноправии народов. Прекрасно владея тремя языками — русским, саамским и коми, писала:

*Чтоб песни петь под небесами,
Народ, обычно занятой,
Приходят коми и саами
По праздникам к берёзе той...
У них, в печали непокорных,
На все века и времена,
Как у берёзы этой корни,
Земля-кормилица одна!
(«Берёза»)*

Октябрина

Впервые в Лапландии саамская девочка получила столь необычное для этих мест имя. А имени у саамов придавалось очень большое значение, для них оно было равно самой личности.

Тайна имени! Тайна личности! А как поэтессе не быть тайной, когда она витает в воздухе Кольской земли, прячется в седых гранитных ущельях, играет сполохами северного сияния, выходит из земли вместе с кружевными узорами ягеля, цепляется за кончики оленьих рогов...

*Много люди хранят
О природе прекрасных поверий,
И природа о людях
Достаточно тайн сберегла.*
(«Тайна Бабьего озера»)

В старину саамы давали детям имена неодушевлённых предметов, чтобы духи болезней не могли найти их. Но если болезнь случалась, родители производили новый обряд имянаречения.

Разные взгляды на этот счет существуют у народов, но в одном они схожи: в имени человека — шифры его судьбы и здоровья. Есть мнение, что людям с забавными, странными именами более чем другим свойственна психическая уязвимость.

Может, кто-то не согласится с этим, но те, кто близко и хорошо знал Октябрину Воронову, скажут, что отчасти это справедливо и по отношению к ней. Хотя в её «революционном» имени всё же на первом плане явно присутствует энергетика природы, осени.

По словам Ираиды Виноградовой, отец Октябрину звал просто — Ока, и она сама к ней в своём стихотворении обращается так же:

*Ока, Ока, Октябрина,
Здравствуй, милая моя,
Это я, твоя Ирина,
Слышишь ли, сестра, меня?*

Октябрина! Разве слышал лопарский Север такое имя? В нём столько чарующей осенней печали... Ока... Ока... — грусть и расставание; Мина — Брина — Бина — звучание колоколов. Словно осень в золотом начале звенит монетами-листьями и кричит вдогонку маленькой девочке, дразнясь: Минька, Бинька... Так звали её в детстве.

Ираида Владимировна рассказывала, как однажды Октябрина попросила её написать стихотворение к юбилейному вечеру, к композиции, где рассказывалось о детстве первой саамской поэтессы. Ираида тут же откликнулась, и появилось веселое стихотворение-песенка «Минька»:

*Наша маленькая Минька
Любит петь, плясать и прыгать,
Минька весело кружит —
Нету сил остановить.
Вот так!*

Октябрина Ираиду всегда звала Ириной. Сама же Ирина предпочитала называть себя именем святой великомученицы Ираиды, именем которой в младенчестве была крещена Октябрина.

Детство, а затем и юность уходили, и наступала пора листопада... Шуршали, тихо падая, листья. И мысли поэтессы выливались в стихи:

*...Осень приблизилась робко,
Снегами дохнули ветра.
Не шелест теперь уже — ропот
Мне чудится в голых ветвях.
И только в лазоревой выси,
Подёрнуты первым ледком,
Дрожат уцелевшие листья,
Звонят — неизвестно о ком.
(«Осина»)*

Колыбель детства

Детство Октябрины пришлось на военную пору. Ей шесть лет, а на её попечение уже оставляли грудных и малолетних детей. Голодные, они кричали так, что маленькая нянька не выдерживала и начинала голосить вместе с ними. Однажды в таком состоянии её застала одна из женщин, пожалела, пообещала, как кончится война, сшить девочке платье из маркизета. Не обманула. Это платье Октябрина запомнила навсегда — жёлтое, с большими красными цветами.

*Так у нас повелось, что издревле
ни бабки, ни мамки
Не готовили нам ни дворцов,
ни затейливых замков.
Спали мы на полу —
на траве увядающей, рыжей,
Сквозь дырявые шкуры
мы видели звёздную крышу...
(«Так у нас повелось, что издревле...»)*

Позже, после выхода первой книги поэтессы «Снежница», Андрей Эдоков напишет: «Она первая среди саамов смогла рассказать о Лапландии поэтично и художественно, раскрыв философию людей, слив-

шихся с окружающей природой». * Эдоков говорил, что мотив долгого языческого кочевья под звёздным пологом неба воспринимается читателем не как холодная бездна, а лишь как часть саамского уклада: намного больше, чем чум, но немного меньше, чем Вселенная.

Трудным было военное детство поэтессы в суровой тундре. Родители детей не баловали, приучая с малых лет к труду, — а иначе в Лапландии не выжить.

Вспоминала Октябрина и наставления бабушки, Александры Ивановны, когда та ей, четырехлетней, дала в руки весла. Восемь километров гребли вверх по Поною. Комариные тучи обрушивались на них, кусали руки, ноги, лицо, а в глазах бабушки Александры ни капли жалости. Неумолимое: «Греби и терпи». Когда к берегу причалили, набрала баба Шура в котелок длинного коричневого мха, сварила отвар. Смазала внучку, посадила на колени и принялась сказки рассказывать. О победившем злой ветер охотнике Вульсе, рыбаке Феттере, о маленьком гномике Чахкли...

Октябрина в детстве

*Сплю и вижу,
Как в завязке
Молодого чудо-дня
В куваксу заходят сказки
И садятся у огня.
(«Песни, сказки...»)*

Из услышанных сказок и легенд появилась у Октябрины и эпическая поэма «Тайна Бабьего озера», рассказывающая о мужестве саамской женщины, которая, пожертвовав собой и детьми, не отдавалась в руки чужеземных завоевателей.

* Эдоков А. Неизвестная земля. // Полярная правда. — 1986. — 02 июля.

*Пошатнулась земля.
В тот же миг стали каменной глыбой
Аннэ, двое детей
У обрыва на самом краю.*

(«Тайна Бабьего озера»)

Так под звуки мелодичного бабушкиного голоса юная Бина и засыпала. А её любимая бабушка Александра, хоть росточком и маленькая, но подвижная, поспевала везде: и рыбу поймать, и оленей запрячь, малицу сшить, и носки связать...

*Проснулся день.
Сияет зорька,
Украсив бисером траву.
И бабушка, гремя ведёрком,
С коровой возится в хлеву.*
(«На зорьке»)

Много позже Октябрина Владимировна говорила: «В детстве я всё жадно запоминала, будто кто-то твердил мне: запомнишь — выживешь, не запомнишь, не научишься — погибнешь. Не холить детей надо, не оберегать от трудностей, тяжёлой работы, а закалять».*

Учителя

Сначала уму-разуму саамских детишек в деревне учили два старых учителя — муж и жена Пожарские Степан Петрович и Анна Яковлевна, позже приехали и другие учителя. Для маленькой Бины всё в школе удивительно. А больше всего красивая, подтянутая учительница, выводящая ручкой с блестящим пёрышком на бумаге «волшебные» слова. Поразительны были и её белые с голубизной волосы, певучая речь...

Когда через много лет Октябрина занималась переводом сказки А. С. Пушкина о рыбаке и рыбке, рядом с ней незримо присутствовал образ Анны Яковлевны. А бывая в родной деревушке, она шла на кладбище к могиле Степана Петровича и несла букеты купав в знак огромного уважения к русскому учителю.

* Калиниченко А. Бисер не рассыпать.// Полярная правда. — 1983. — 08 марта.

В войну Мурманское педагогическое училище было закрыто. По области стало катастрофически не хватать учителей, и тогда преподавать на Север поехали молодые специалисты из центра России.

В 1944-м в Чальмны-Варрэ из цветущего Советска Кировской области приехала семнадцатилетняя Лидочка Торovina. В деревню прибыла поздним вечером и сразу не разглядела местности, потому как её сразу в школу проводили, где для учителей была выделена небольшая комнатка. Наутро глянула в окно и ахнула. Камни, камни, камни, везде камни... Вот он, настоящий, дикий Север! Сосны, камни, а между ними небольшие домишки. Школа располагалась на самом высоком месте, на мысу, в окружении множества валунов и могучих сосен. Зимой саамские маленькие домишки совсем от сугробов не отличишь. Распознавались лишь тогда, когда сугроб начинал «курить» и с середины его тянулась к небу тоненькая струйка дыма. Летом кругом вода: озерко, речка, болото — и камни, много камней...

*Озера разливаются в моря.
Болота, как озёра, набухают.
А в речке камни под водой горят,
Как тёмным лаком крытые, сверкают.*
(«Снежница»)

Дома располагались только на предгорье, но весной, когда река разливалась, вода всё равно подступала к самому жилью. Деревья и те стояли в воде.

Всё было интересно молоденькой учительнице, даже комары. Лидия Дмитриевна рассказывала, как по вечерам они в своей комнатухе при школе ставили ситцевый балаган. Перебьют всех комаров, а наутро из него хоть не выглядывай — вновь их тьма-тьмущая. Чальмны-варрцы в домах на дверях дымоходы устанавливали, жгли мох, спасаясь от несносных насекомых.

В школе на четыре класса приходилось два педагога и сорок два ученика. Лидия Дмитриевна вела второй и четвёртый классы, Мария Дмитриевна Кононова, эвакуированная учительница из Мурманска, — первый и третий. Вот в её классе в то далёкое время и училась маленькая Бина Матрёхина, будущая первая саамская поэтесса Октябрина Воронова.

А молоденькие учительницы были не намного старше своих учеников. Вместе играли, устраивали вечера отдыха, концерты, конкурсы, ставили пьески, хорошо знали всех жителей.

В годы войны в школе не хватало учебников, совсем не было тетрадей, их заменяла оберточная бумага. Правда, чернила на ней расплзались, но зато книг «Доктор Айболит» в деревушку в избытке завезли. На сшитых учителями тетрадях дети писали, а по сказке «Доктор Айболит» учились читать.

В дальнейшем с Октябриной Лидия Дмитриевна встретилась уже после войны через двенадцать лет. Встреча произошла в общестии интерната, куда Октябрина после окончания института пришла работать. Она с ребяташками как раз шторы на окна вешала. В этот момент в комнату и вошла Лидия Дмитриевна, также приехавшая работать в Ловозеро. Встретились, словно родные, вспомнили Чальмны-Варрэ, школу, жителей деревни.

*Жил когда-то в Чальмны-Варрэ
Дед — седая голова,
По прозванью Велес-Карнос *,
Хоть ходил едва-едва.*

*С ним такая же старуха
Проживала с давних пор,
Слеповата,
Тугоуха,
Лишь язык один востёр.*

*Потому не скучно деду,
Чай попив,
Часам к шести
Задушевные беседы
Со старухою вести.*

(«Веллес-Карнос»)

Лидия Дмитриевна помнит, какой в то время Октябрина была стройной, веселой, жизнерадостной. Это уже позже встречала её озабоченной, больной, быстро стареющей женщиной. Но всё это будет позже, а нам важно проследить путь будущей поэтессы поэтапно.

* Быстрый, ловкий (саам.)

Ловозерский интернат

В 1946 году, в том самом платье из маркизета с красными цветами, Октябрина отправилась учиться в Ловозерскую школу-интернат.

*Старший брат мне скажет:
— Надо
В школу дальнюю спешить.
В Ловозерском интернате
Будет весело вам жить...
(«В школу»)*

Много лет спустя Октябрина вспоминала: «Настало время готовиться в дорогу из дома, где жила у любимой бабушки её внучка. Долго стояла бабушка у порога, рвалась следом. Глаза у бабушки часто мигали — никто из рода нашего не уходил ещё в белый свет такой неизведанной дорогой. На лодке, где веслами греб Михаил Дмитриевич, сам председатель колхоза, поднялись к месту, где стоял самолёт — маленькая «шаврушка» (Ш-2), летающая до Апатит... «Счастливого пути!» — шептали мне кусты ивы и черемухи, смородины и рябины. Красавица осень... Но воздух прохладный казался мне дыханием весны, дыханием бабушки...»*

Более четырёх столетий существует на Кольской земле старинное саамское село Ловозеро, или Луяввьр-сыййт — селение сильных, у озера, которое Октябрине станет родным до конца жизни.

*Край милый, Ловозерье,
Край возрожденья дня,
Каким, признайся, зельем
Ты напоил меня?
(«Отчий край»)*

По центру села протекает речка Вирма — Виррьмеогъ — сеть-речка, или речка лесная, которая особенно пришлась по душе девушке.

*Кто длину твою измерит?
Ты журчишь средь гор июля.
Вир в саамском значит — берег,
Ма — родимая земля.*

* Смирнов В. Ночлег в пути. / Воронова О. Хочу остаться на земле. — Мурманск, 1995.

*Сквозь меня, как сердцевина,
Как целебная струя,
Протекла речушка Вирма,
Вирма — родина моя!*

(«Вирма»)

Поэт Василий Галюдкин, прочитав это стихотворение, написал, что и на самом деле «длина» родины неизмерима, как это остро и осознанно понимала саамская поэтесса. И подчёркивал: «Чтобы быть национальным поэтом, надо не только писать на своём родном языке, но надо писать те стихи, которые воспитывают у умеющих читать чувство любви к Отчизне!»

После маленькой деревушки село Бине Матрёхиной показалось сказочно большим и красивым. Встретила девочку просторная школа-интернат, которая на несколько лет станет ей родным домом... В комнате, куда привели Бину, чисто, уютно, светло. Девочке показали кровать, тумбочку. Робко подошла Октябрина к своей койке, провела по ней рукой. Дежурная строго поясняла новенькой: «Садиться, ложиться на кровать до тихого часа или сна нельзя, вот твой стул, можешь посидеть на нем».

Так Матрёхина Бина стала постигать новую для себя жизнь.

Частенько воспитатель интерната устраивала ребятам «волшебные» вечера. Когда очередь доходила до Октябрины, та повязывала на голову платок, изображая старушку, и начинала, подражая своей бабушке, рассказывать слышанные в Чальмны-Варрэ сказки:

*Кто доверчив, послушай:
История эта,
Хоть давно приключилась, но ходит по свету.
Было дичи в лесу — не сочтёшь по весне,
Было рыбы в реке — словно игл на сосне.*

*В те далёкие дни
Ни бедно, ни богато
В старой ссохшейся куваксе жили два брата,
И похожи они,
Как крупинки в песке
Или клетки на шахматной пёстрой доске.*

(«О пытавшемся летать»)

Чтобы помочь читателю почувствовать дух того времени, я хочу обратиться к районным газетам 1947 года. В одной из них писалось: *«Исполком Ловозёрского сельского Совета рассмотрел вопрос о санитарном состоянии в интернате... Из детей старшего возраста, проживающих в интернате, избран старостат, между членами которого строго распределены обязанности. Старостат назначает дежурных, следит, чтобы вовремя были подвезены продукты, вода, контролирует работу санитарного поста. Санитарный пост строго следит за чистотой в помещениях, организует соревнования на лучшее состояние комнат, выставляет оценки... Но всё же имеются случаи, когда не соблюдаются санитарные нормы и правила. Причиной этого является то, что само помещение интерната очень тесное, в комнатах большая скученность. Кроме кроватей, здесь негде разместить мебель, которая приобретается, поэтому в комнатах не совсем уютно... Дети, проживающие в интернате, длительное время оторваны от своих семей. Поэтому очень важно создать в интернате такие условия, чтобы дети не чувствовали этой оторванности и могли спокойно жить и заниматься в школе...»*

Послевоенные годы были трудными, например, на одиннадцать девочек в школе-интернате была всего одна пара рабочих ботинок. В них-то, по воспоминаниям Октябрины, школьницы по очереди умудрялись ходить не только на работу, но и на танцы.

*За деревней на опушке
Нынче игрища идут.
И весёлые частушки
На деревьях ветви гнут.*
(«Кадриль»)

На мой взгляд, открытие интернатов было одной из самых больших ошибок Советской власти. Именно интернаты оторвали ребят от привычных условий жизни, от милых сердцу занятий, от национальных промыслов предков. И если раньше девочки с малых лет учились шить из меха тоборки и малицы, вышивать бисером, рыбачить, то, обучаясь в интернате, постепенно утрачивали интерес к мастерству своих мам и бабушек. Если мальчишки раньше гордились тем, что умели быстро и ловко поймать на аркан оленя, запрячь упряжку, лихо промчаться на ней по тундре, то в большом селе потянулись к машинам, технике, доселе не виданной ими. Так незаметно интернат в жизни оленного народа совершил своё пагубное действие: оторвал детей от традиций предков, нарушив тем са-

мым закон саамского житья, лишив смысла пребывания их в тундре. Однако трагедия саамских детишек, обучавшихся в интернатах, оказалась гораздо глубже. Пока они жили с родителями в привычной для них среде, они знали родной язык. Попадая в интернат, начинали говорить только на русском. Поколение Октябрины ещё удержало язык на слуху, последующие изучали саамский как иностранный. Смогут ли они сейчас восстановить утраченное? Большой вопрос.

В книге «Неразгаданные тайны человечества» я с ужасом прочла, что в месяц на планете Земля исчезает по два языка. Причина — языки малочисленных народов не выдерживают никакой конкуренции с языками, на которых говорит большая часть человечества. Правда и то, что сегодня среди саамов почти не осталось носителей бабинского, нотозерского, иоканьгского диалектов. Под угрозой исчезновения и кильдинского диалекта саамского языка, потому как приоритет в саамском мире (стран Норвегии, Швеции, Финляндии, а последние годы и России) отдаётся искусственно созданному северо-саамскому языку.

Судьба

Сразу за Октябриной в семье Матрёхиных шла Ирина, в замужестве Виноградова. В юности она последует за Биной в Институт народов Севера. После его окончания долгое время будет работать тренером по спортивной гимнастике, по примеру сестры начнёт писать стихи для детей. В 1994-м в Норвегии выйдет книга её стихов «Мунь каньц».

Еще одна сестра Октябрины — Матрёхина Тамара — после института поедет работать в Петрозаводск, в Институт языка, литературы и истории, сойдется там с мужчиной, родит от него дочь Ольгу и в 1977 году погибнет от его руки...

Александра, последняя из сестёр, учиться в институте не сможет: больные родители будут нуждаться в её опеке. Впоследствии Шура выйдет замуж, родит семерых детей. Более двадцати лет проработает санитаркой в Краснощельской больнице. В 1996-м её семью постигнет большое несчастье: сгорит дом, а в нём и старший сын.

Разные пути выберут и братья Октябрины. Владимир — службу в армии. Поселится в Никополе. Юрий, по характеру более других похожий на своего деда Григория, изберёт для проживания Каневку —

Октябрина — студентка

самую отдалённую деревеньку в Кольской Лапландии.

Знакомясь с родом Матрёхиных, я вдруг обнаружила, что и до Октябрины были в нём творческие личности — настоящие сказители. Авдотья Николаевна Матрёхина, по воспоминаниям В. В. Чарнолуского, «успевала шанежки готовить и рассказывать всякие небылицы. Сказочница была изумительная». Мария Ивановна Матрёхина поведала карельскому учёному Г. М. Кертту «Сказку о диком олене» и подробности обрядов саамской свадьбы, она хорошо знала быт своего народа, его предания.

Мария и Афанасий Матрёхины,

саамские сказители из Каневки, также были окружены всеобщим почётом и уважением. В 1933 году И. А. Матрёхина с З. Е. Черняковым работали над созданием саамского букваря, что позже делала и Октябрина Воронова, помогая своей подруге, учёному-языковеду А. А. Антоновой.

По всему видно: Октябрине было предначертано судьбой вобрать в себя всю поэзию и мудрость матрёхинского рода, озвучить его песни и сказы, печали и радости.

За сказками на Поной-реку

После интерната перед Октябриной встал вопрос, куда идти учиться дальше. О том времени рассказал мне Захарий Ефимович Черняков, создатель саамского букваря 1933 года.

В 1951 году он приехал из Москвы в Ловозеро уполномоченным Центрального статистического управления РСФСР. Дел много, а тут в кабинет заходит «маленькая пичужка». Говорит, что хочет учиться дальше, но что-то у неё там не получается. Высказала

* Чарнолуский, В. В. В краю летучего камня/В. В. Чарнолуский. — М.: Мысль, 1972.

*Ирина и Тамара Матрёхины, сёстры Октябрины,
учились вместе с ней в институте*

всё чуть не плача и ждёт ответа. Отвлечённый от срочных дел, Черняков отмахнулся было от девушки, сказав, что надо поскромнее быть. А та, видимо, с характером оказалась, не уходит. Ничего ему не оставалось, как написать записку в отдел Народного образования, чтобы некую Октябрину Матрёхину направили бы учиться на подготовительные курсы Института народов Севера.

Октябрина была счастлива. Перед тем как ей отправиться в Ленинград учиться, поехала в Чальмны-Варрэ навестить родных. Узнав, что любимая внучка уезжает чуть ли не на край света, бабушка Александра достала бережно хранимый ею пиджак деда Алексея и обрядила в него Октябрину. В этом пиджаке та и приехала в город на Неве в Институт народов Севера.

В свободное от учёбы время много читала, увлеклась поэзией венгерского поэта Петефи, занималась спортивной гимнастикой, пела, танцевала, ездила с выступлениями по сёлам Ленинградской области, нравилась ребятам... Многие за ней пытались ухаживать.

Алексей Ильич Печков, ненецкий поэт, вспоминая о том далёком времени учёбы в институте, о Вороновой говорил, что уж очень

Октябрина

она была скромна и пуглива. Северные парни недовольничали, мол, никак, принца решила себе найти. Высокая — по меркам северных народов, сухощавая, симпатичная, с короткой стрижкой — такой запомнилась Алексею Печкову Октябрина.

А когда он узнал, что у саамов появилась своя первая поэтесса, спрашивал у всех: кто такая? Тогда ему Владимир Ледков, тоже ненецкий поэт и сокурсник по институту, напомнил об Октябринах Матрёхиной.

Алексей Ильич говорил: «Думаю, в своём одиночестве она уже в институте приобретала то настоящее, что из внутреннего накопления затем вылилось в поэзию. Произошел

творческий взрыв, и человек из одного качественного состояния перешёл в другое, более творческое, — стал поэтом!»

Октябрина с группой студентов-северян, у которых наставником был доктор филологических наук Г. М. Керт, проявляла большой интерес к языку своего народа, его эпосу. Выезжала несколько раз в лингвистические экспедиции на Кольский полуостров. Георгий Мартынович говорил мне, что уже тогда, в студенческие годы, Октябрина Матрёхина и Александра Антонова стояли особняком, отличаясь от других саамских студентов. Вдобавок ко всему они были филологами. И добавлял: «Уже тогда у Октябрины проявилось филологическое чутьё. Она очень хорошо записывала саамские сказки. Октябрина Матрёхина-Воронова поразила меня своим нетривиальным отношением к работе, природным даром, даже талантом при записи фольклорных текстов. Она очень точно передавала не только сюжет, но и всю красочность, образность саамской речи в метафорах, сравнениях, которые обогащали язык не только как средство общения, но и как художественный элемент человека, в совершенстве знала свой язык — иоканьгский диалект».

Именно в лингвистических экспедициях по Кольскому полуострову судьба свела Октябрьину Матрёхину с непревзойденными сказителями и песенницами заполярной Лапландии.

*Сосновка, Чальмны-Варрэ, —
Везде, где я была,
Мне песни напевали,
И каждая светла.*

(«Отчий край»)

В Каменском погосте, например, Октябрьина встретила с Татьяной Филипповной Даниловой, той самой, что диктовала сказки еще этнографу В. В. Чарнолускому. Татьяна Филипповна чувствовала себя уже плохо и все же внимание молоденькой студентке уделила. Рассказывала с большим вдохновением, богатой мимикой. От неё Октябрьина записала такие сказки, как «Старичок и старушка», «О золотом деревце». В погосте Вороньем попала к сказителям-супругам Дмитриевым, в Ловозере — к замечательной сказочнице Анне Железняковой, в Каневке — к Марии Матрёхиной, в Чальмны-Варрэ записала несколько оригинальных сказок и бывальщин у своей бабушки Александры и матери Клавдии Григорьевны. Как писал редактор «Ловозерской правды» Л. Сафронович, «ценность собирательской работы Октябрьины Владимировны очень велика». Записанные ею сказки позже вошли в сборник Г. М. Керта «Образцы саамской речи».

После выхода этой книги Георгия Мартыновича Вороновой заинтересовался профессор хельсинского университета М. Корхонен, изучающий диалекты саамского языка. Знание фольклора помогло подготовить Октябрьине Владимировне и прекрасный доклад об устном народном творчестве кольских саамов, с которым она выступила в июле 1977 года на совещании в Кольском филиале Академии наук СССР в городе Апатиты, где помимо учёных-земляков её слушали этнографы, антропологи, филологи, специалисты по фольклору из Москвы, Ленинграда, Свердловска.

Рассказывая учёным о саамском фольклоре, Октябрьина говорила: «В устном народном творчестве отлажена мудрость народа, его прошедшее, настоящее и будущее, и в этом его ценность»...*

* Воронова О. Сказки и песни кольских саамов // Ловозерская правда. — 1978. — 18 февр.

*Песни, сказки.
Ночью хмурой
Вас бы слушать до утра...*
(«Песни, сказки»)

А вот по поводу изданных книг Н. Харузина и В. В. Чарнолуского, в которые вошли саамские сказки, Октябрьина Владимировна со знанием дела высказала следующее: «В записях этих авторов сказки потеряли образность саамского языка. В них нет слов с местным колоритом, которые характеризовали бы героя сказок... Саамские сказки (саамя майназ) неторопливо, с богатой фантазией, большим мастерством и вдохновением умели рассказывать мужчины и женщины. Слушая их, каждый мог побывать в мире образов, созданных художественной мыслью сказителей».*

Октябрьина Владимировна рассказывала о том, что записывала сказительницу Т. Ф. Данилову, которая наговаривала сказки Чарнолускому: «...она могла рассказывать (их) и по-русски. Но в русском тексте она не могла выразить всё так, как бы это сделала в саамском».**

Институт народов Севера

На подготовительном факультете института был и свой, как его любовно прозывали, «отец всех народов» — Гаврила Александрович Никулин. Сначала он — начальник подготовительных курсов, затем — декан Северного факультета.

Саамов в институте достаточно. В те годы там учились Александра Антонова, Сергей Семяшкин, Василий Селиванов, Антонина Горбунцова, Аскольд Бажанов, Павел Юрьев, сестры Матрёхины — Октябрьина, Ирина, Тамара.

Общежитие находилось на улице Желябова, 27, рядом с Театром эстрады, который охотно посещали студенты-северяне. На этой сцене начинал свою артистическую деятельность Аркадий Райкин. Спектакли с его участием молодёжь особенно любила.

После дневных занятий ребята шли в читальный зал, готовили домашнее задание, а вечерами расходились по кружкам. Частенько выезжали с выступлениями в различные дома творчества, совхозы. Готовясь к экзаменам, распределялись на группы, занимали подо-

* Воронова О. Сказки и песни кольских саамов // Ловозерская правда. — 1978. — 18 февр.

** Там же.

конники, чердачную лестницу. Обычно в группах кто-то один читал вслух, остальные слушали.

Стипендию получали всего десять дублей и тратили деньги в основном на билеты в кино и театры. Одежду выдавал институт. Девушки ходили в темно-синих английского покроя костюмах: белая кофточка и юбка с широкими лямками. Хотя студенты и неплохо питались в институте, но все же с нетерпением ждали посылок из дома, скучали по своей национальной пище. Из Сибири ребятам присылали тушки белок, кедровые орехи, рыбу, с Севера шла замороженная или копченая оленина и рыба.

Многие ребята в институте хорошо знали сестер Матрёхиных, любовно прозванных ими «сестрами Соловьёвыми» за то, что девушки красиво пели. Октябрина с Ириной ещё занимались и спортом. Октябрина, как говорят спортсмены, «работала по мастерам», то есть по программе мастеров спорта. Одна из немногих довольно быстро достигла здесь значительных результатов, что также говорит о её настойчивости.

Девушки-северянки росточком все небольшие. Рост Октябрины — стандарт для гимнастики — метр шестьдесят четыре сантиметра (пошла в род Распутиных). В то время в традициях были ежегодные спартакиады народов СССР, и она не раз попадала в состав гимнастов, выступающих на этих праздниках в Ленинграде.

Летом студенты ездили в спортивные лагеря. Ребята факультета народов Севера отдыхали и работали в летних лагерях под Ленинградом в колхозах Вырица, Приозерном. Особенно много здесь занимались гимнасты: снаряды, брусья, бревно, вольные упражнения, гимнастический прыжок. Октябрина в лагерях была несколько раз.

После начальных курсов «отец и родитель» направлял всех учащихся на разные факультеты. Саамы в институте учились хорошо, выделяясь своей подготовкой и знанием русского языка.

По субботам в общежитии устраивались танцы, на которых из девушек саами выделялась всё та же Октябрина, из парней — Сергей Семяшкин. Танцевали польку, краковяк, мазурку, венгерку, вальс-бостон, фокстрот, просто вальс. Сергей вместе с Октябриной некоторое время танцевал даже в институтском ансамбле.

Целых семь лет молодые саамы провели в Ленинграде. С Октябриной в те годы учились и представители других северных на-

родов, в будущем известные писатели: Василий Ледков и Прокопий Явтысый, Алексей Печков — ненцы, Юван Шесталов — ханты, Владимир Санги — нивх, Владимир Косыгин (Каянтэ) — коряк, Андрей Тарханов — манси, Алитет Немтушкин — эвенк, другие.

На X съезде писателей России в Москве в 1999 году я познакомилась с мансийским поэтом Андреем Тархановым. Он вспомнил, что в студенческие годы они частенько устраивали поэтические вечера, на которых друг перед другом читали собственные вирши. Андрей Семёнович прекрасно помнит, как приходила на них и Октябрина Матрёхина. Тогда она своего ещё ничего не писала, но с огромным удовольствием слушала своих товарищей, начинающих поэтов-северян.

И вновь, уже спустя годы, они встретились на Ялтинском семинаре молодых поэтов и писателей Севера, Сибири и Дальнего Востока в 1981 году. Занятия семинара вели поэты Ю. Шесталов и М. Курганцев.

Андрей Семёнович помнит, как все с волнением ждали анализа собственных произведений: «Октябрина сидела с Алитетом Немтушкиным и очень переживала за свои стихи, даже нервничала. Но когда их похвалили, обратили на них внимание всех, приведя как пример хорошей поэзии, вся покраснелась, смущенно заулыбалась, пряча лицо в руках. Она была очень эмоциональным человеком и очень счастлива, что её поэзию так высоко оценили». На Ялтинском семинаре Андрей Тарханов, Октябрина и Алитет Немтушкин были неразлучной троицей. Радовались жизни, успехам в поэтическом творчестве, строили планы на будущее, мечтали о выходе новых книг. Октябрина тогда мечтала о первой...

*... Надышаться б надо досыта
Этим воздухом морским
И увидеть ночью — звезды-то
Словно сбиты в островки.*

(«В Крыму»)

Спустя несколько лет после института Сергей Семяшкин, совершенно случайно встретившись с Октябриной в Ловозере и узнав, что она пишет стихи на саамском языке, очень удивился. То, что Аскольд Бажанов ещё в институте «баловался стихами», знал, но чтоб Октябрина писала — даже предположить не мог. Он почему-то искренне думал, что она пошла по спортивной линии, и вдруг — на тебе, стихи!

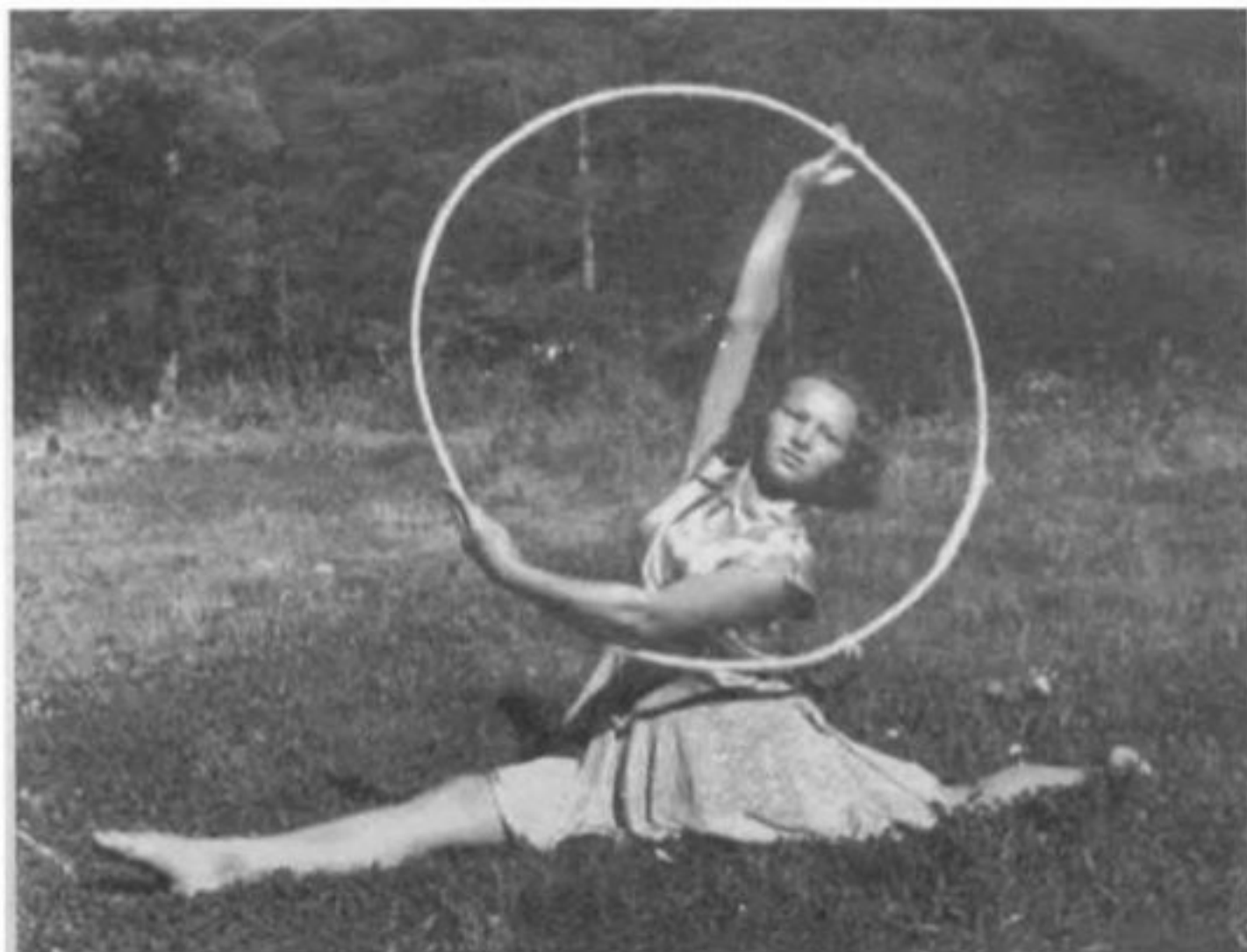

Студентки Института народов Севера

*Институт народов Севера. Ирина и Октябрина
с Василием Селивановым и Павлом Юрьевым*

*Институт народов
Севера. Спортсмены
института.
(Слева — Октябрина)*

Институт народов Севера. Октябрина-гимнастка

Октябрина считала Сергея Семяшкина своим другом, часто останавливалась в его семье, когда приезжала в Мурманск, сшила и подарила ему шапку.

Сергей Борисович родился в 1935 году в Верхнетуломских тундрах в селе Лутто. В 1948-м году с младшим братишкой Колей остался без родителей. Воспитывался в интернате. В 1951-м поступил учиться в Институт народов Севера, где и познакомился с Октябриной. В общежитии жил с Аскольдом Бажановым и Павлом Юрьевым. С Октябриной Сергея объединял спорт и танцы. Сергей Борисович вспоминал, что у Октябрины был поистине спортивный талант, потому-то он и предполагал, что она пошла по этой линии. Ему и самому спорт нравился больше всего, хотел после подготовительных курсов идти на спортивный факультет, но «отец и родитель» отправил на физмат. Семяшкин был самым сильным учеником потока, а стране нужны были физики.

После института он преподавал в родной школе, работал старшим лаборантам на экспериментальной базе Полярного геофизического института в Лопарском. В 1975-м заочно закончил Северо-западный политехнический институт и приобрел новую для себя специальность инженера-радиотехника. Попал в производственное объединение «Арктикморнефтегазразведка» работать по специальности «радиосвязь и подводное телевидение». Передавал свой опыт во Вьетнаме. С 1985 года судьба его свела с Р. Д. Куруч и Н. Е. Афанасьевой, о которых речь впереди, с тех пор занялся ещё и саамскими проблемами.

Время молодости, время института было самым счастливым для ребят-северян. Тогда они жили и не подозревали, по словам Сергея Борисовича, что «делали ту историю, которая впоследствии станет историей». В институте они ещё не были первыми, они были молодыми. Это сейчас Октябрина — первая саамская поэтесса, он, Сергей Семяшкин, — первый из саамов специалист глубоководных водолазных комплексов, Павел Юрьев — создатель Ловозерского краеведческого музея, Аскольд Бажанов — первый поэт саами, пишущий на русском языке, Александра Антонова — создательница саамского букваря... Это сейчас они, каждый по-своему, первооткрыватели, а тогда были просто молодыми.

Александра Антонова, как и Октябрина, в институте занималась в секции спортивной гимнастики, посещала хореографический кружок,

но тогда они ещё не были в дружеских отношениях. Только с 1958 года в Ловозере, где Октябрина работала в школе-интернате, близко сошлись.

По словам Александры Андреевны, дети Октябрину любили очень, всегда так и вились вокруг неё стайками.

*Заливается звонок —
Начинается урок.
Вот учитель входит в класс,
Говорит он:
— В этот раз
называйте не спеша
Мне слова на букву «Ш».*
(«Слова на букву „Ш“»)

Муж да жена

Окончив институт, Октябрина вернулась в Ловозеро. Но в мыслях молодая девушка не переставала лелеять надежду на встречу с Вячеславом Вороновым, парнем из Ленинградского горного института, черноволосым высоким красавцем, с которым познакомилась на уборке картофеля. Вячеславу Октябрина тоже приглянулась. Ради неё он и саамский начал изучать, да ещё сразу два диалекта — иоканьгский и кильдинский.

*Дай мне, время,
Теплый ветер,
Чтоб скорее друга встретить,
Чтоб о счастье, не печали,
Тик-да-так часы стучали.*
(«Часы»)

А. А. Антонова вспоминает, как однажды в её дом постучали. Было это в 1960 году. Открыла. Стоит русский парень, а здоровается по-саамски. Как оказалось, приехал к Октябрине, но не нашел её, вот соседи и посоветовали обратиться к Антновой. Вечером того же дня все трое собрались на Хибинской улице, где будущая поэтесса снимала комнату. Саамская бабулька-хозяйка угощала гостей мороженым мясом, мозгами из оленьих ног. Гость ел угощения да нахваливал. Удивителен он был Александре. Небрезгливый,

Октябрина со своими учениками. Ловозерский интернат

Вячеслав и Октябрина Вороновы

скромный, умница. Вячеслав и Октябрина стали мужем и женой. Свадьбы как таковой не было — расписались и начали жить.

Как ты живёшь, хозяйюшка?

Сердце стучит в груди, —

Мне бы взглянуть

Хоть краешком:

Что нас ждёт впереди...

(«Как ты живёшь, хозяйюшка?»)

Октябрина ходила счастливая. Под сердцем носила своего первенца. Млела от сознания скорого материнства. Девочка родилась преждевременно, но общими усилиями родители свою крошку Лену сумели «выпарить». Так саамы говорили, когда недоношенное дитя согревали теплом оленьих шкур.

Всё проходит —

И дожди, и слякоть.

Будет солнце на небе пылать.

Чтобы дочка перестала плакать,

Как со взрослой, говорит с ней мать:

«Вырастай скорее из пелёнок,

Север так заманчив и красив!

Будешь, словно резвый оленёнок,

В летней тундре набираться сил».

(«Всё проходит...»)

Ног не чувствовала под собой молодая мать, исхудала, одни глаза счастьем светятся. От дочки Леночки ни на шаг. А та здоровьем хрупкая — суровый северный климат не по ней. Поглядел на всё Вячеслав и решил увезти жену и дочь к себе на родину, в Боровичи.

Собрала Октябрина пожитки, прижала к груди дочку-комочек и последовала за мужем. Могло ли тогда для неё что-то иметь большее значение, чем её любимый? Конечно, нет! Выбор был сделан, и Октябрина оставила свою малую родину — Заполярье.

В края далёкие уеду

От злых ветров и холодин,

Там распустило бабье лето

Нить серебристых паутин.

*Где тополя в окно стучатся,
Где липы выше крыш стоят,
В семейных горестях и счастье
Живёт кровинушка моя...*

*Но грустно в этом доме станет,
Когда из северных широт
Холодный ветер вдруг потянет,
Знакомый запах донесет.*

*И сердце так забьётся тяжело,
И в путь захочется скорей.
И будет грезиться упряжка —
Олени, нарты и хорей.*

(«В края далёкие уеду...»)

И со временем на Новгородчине уже постоянно снился Север
Октябрине по ночам.

*Слежавшийся снег — ледяная крупа.
Слежавшийся снег — водяная душа.
Глазами стреляет свекровь: па! па! па!
И свекор трясёт бородой: ша! ша! ша!
И шагу ступить не дадут никуда,
И даже на миг не оставят одну,
Мне в этом дому не житьё, а беда...*

(«Слежавшийся снег — ледяная крупа...»)

Свекровь молодую невестку не приняла, не полюбила её Октябрина. Не в теле. Худая. Платья висят, как на вешалке. И что за невестка попалась? А сын на жену не налюбуется, как будто рядом родной матери нет. И не смогли молодые долго жить у свекрови, ушли к деду Вячеслава. Тот же в Октябрине, наоборот, души не чаял. Всем сердцем полюбил. За доброту, душевность, простоту. Завещание на дом на неё оформил. Не могла понять свекровь, чем молодая подкупила старика, но против воли отца не посмела идти.

*Тайны мира —
И добра, и зла —
Не постичь, наверно, никому...
Мать на свет мальчишку родила —
Появилось солнышко в дому.*

(«Тайны мира...»)

Солнышко-то появилось, да только молодая мать всё больше и больше по Северу стала грустить. Буйная зелень Боровичей радовала глаз, но не согревала душу.

Не мог понять Вячеслав, чего жене не хватает, чем она недовольна. Злился, причины выяснял. Однажды Октябрина не выдержала: «Не могу я больше здесь жить. Словно птица в силках запуталась. Душит меня зелень. Рвётся сердце на простор тундровый. Домой хочу, мочи нет!»

*На все чудесные края,
Что за лесами, за полями,
Моё родное Заполярье
Не променяю в жизни я.*

(«На все чудесные края...»)

Впервые за семь лет жизни на Новгородчине увидел Вячеслав, сколько в глазах жены накопилось горечи и тоски... Не дожидаясь весны, семья Вороновых в феврале 1967-го покинула Боровичи. В Ревде он устроился на горно-обогатительный комбинат, Октябрина пошла работать библиотекарем. Если муж выходил с ночной, ехала утром на автобусе на Ильму, к руднику. Товарищи Вячеслава удивлялись: вот это любовь! Ни одна жена не приезжала встречать мужа у проходной. Вячеслав хоть и смущался, но Октябрине ничего не говорил.

*Всё это память днём и ночью
Хранит во сне и наяву,
Пока живу в сторонке отчей,
Пока живу,
Пока живу...*

(«На все чудесные края...»)

Вячеслав видел, что жена всё больше стала интересоваться «самскими делами», к Александре Антоновой в Ловозеро зачастила, но не препятствовал и всё свободное время сам проводил с детьми.

Октябрине покойно в семье. Муж заботливый, детишки справные, что ещё для счастья надо?

*Над работой никну, никну
И тяну иголку с ниткой.
За петлей ложатся петли.
Тише, время, бег замедли.*

*А часы, не зная сбою,
Тик да так...
Как мы с тобою.
Ну, куда ты? Почему ты?..
За минутою -- минуты
Так и льются, словно воды,
Год за годом, год за годом...
(«Часы»)*

Время быстро летело... И не почувствовала Октябрина перемены в Вячеславе, не уловила. Проглядела мужа за своими делами, поездками, выступлениями. Дома бывала налётами: с работы прибежит, наспех приберётся, приготовит поесть, на детей глянет и умчится в Ловозеро. Вячеслав всё чаще оставался один... На него у Октябрины времени уже не хватало. И легла на сердце мужчины обида. Всё чаще люди стали видеть его то выпившим, то с похмелья. Октябрина корила, бранила, стыдила мужа, да всё без толку... Понимала: и её вина в том, что он запил, есть. Разве можно было постоянно одного оставлять? Какой мужик смирится с этим? Но поделаться с собой ничего не могла. Летела вслед за своими мыслями. И что ей были семейные неурядицы, когда во всей шире открывался перед ней огромный мир поэзии...

«Всё на свете имеет свой голос и звук...»

Октябрина занялась сбором саамского фольклора. Сочиняла для детей стихи. Удивлялась и радовалась, как это у неё на родном саамском языке выходят такие ладные да складные строчки. Выступала на вечерах книголюбов...

Галина Константиновна Кравцова, руководитель кружка мягкой игрушки, познакомилась с Октябриной в 1980 году на вечерней встрече с саамской поэтессой, затем подобный вечер и детям своего кружка организовала. Вспоминала: «Октябрина Владимировна была приятно удивлена, когда на объявлении прочла „Встреча с поэтом“. И, смущаясь, сказала об этом. Я ободрила её: „Вы и есть настоящий поэт“. В этот вечер она ребятишкам читала очень много стихов. Особенно им понравились стихотворения „Мячик“ и „Сердце“, а еще учила играть их в саамские игры. Семилетняя Нина

Долгушева спросила её: „Тетя Бина, скажи, к тебе что, правда стихи и сказки на пятый этаж прилетают?“ Октябрина Владимировна серьёзно ответила: „Ты ведь знаешь, что над крышей никто не живёт, а у меня вид из окна такой хороший, вот все сказки с Ловозера и Ревды ко мне в гости и летят“. После этой встречи Октябрина стала частым гостем в кружке. Она так мечтала работать в школе!»

Стихи! Как радостно было сознавать, что она их пишет сама, на своём родном саамском языке. Узнав о её творчестве, библиотекари стали частенько приглашать Октябрину Владимировну на литературные вечера уже не как сотрудника, а как начинающего поэта.

Татьяна Георгиевна Устюгова вспоминала, что на вечере книголюбов 20 декабря 1980 года она попросила Октябрину Владимировну почитать стихи. Поэтесса прочла несколько, а потом, смущаясь, сказала: «Лучше я пропою их, мне так будет легче». И запела. Я тоже была на этом вечере и прекрасно помню выступление Октябрины. Пела она замечательно. А как-то на другом вечере Устюгова наклеила стихи Вороновой на карточки и попросила людей написать отзывы о её творчестве. В конце вечера вручила их Октябрине Владимировне. Она так обрадовалась, что без конца повторяла: «Это мне? Это мне? Вот спасибо, девочки. Ведь я всё храню».

Однажды Татьяна Георгиевна приехала к ней в библиотеку на Пятый километр с проверкой и попросила показать литературу по сельскому хозяйству (Октябрина Владимировна обслуживала ведь не просто жителей, а ещё и работников совхоза «Ревда»). Та спокойно говорит: «Они в углу на нижней полке стоят». Устюгова удивилась: «Как же вы умудряетесь их оттуда доставать, мне, худенькой, и то это трудно сделать?» И услышала в ответ: «А я привыкла. Сейчас покажу. Надо только одно упражнение применить». Сделала какое-то красивое движение туловищем — и книга оказалась в руках. Татьяна Георгиевна была поражена: «Да тут гимнасткой надо быть». Октябрина Владимировна засмеялась: «А я и есть гимнастка, вернее, была ею в институте, даже разряд имела».

Татьяна Георгиевна, вспоминая об Октябрине, говорила, что та была доброй, отзывчивой и выносливой, как северный олень. И вот навалилась на Устюгову болезнь, сковала, окрутила, да так, что пришлось женщине уйти на пенсию по инвалидности. Как-то навестила её Октябрина Владимировна, принесла бурки и сказала: «Танюша, я тут узнала, что ходишь плохо, ноги болят, так вот сшила тебе бурочки, носи на здоровье».

И Мария Арсеньевна Амелькина, работавшая вместе с Октябрьиной со дня поступления той в библиотеку, вспоминала: «Она была очень лёгкой на подъём. Смотришь, вечером — поздно уже, а она на автостанцию спешит. Значит, в Ловозеро поехала или к себе в библиотеку на Пятый».

Октябрина Владимировна, по словам Амелькиной, очень любила общественную работу, зато терпеть не могла заниматься оформлением документации, потому библиотекарям постоянно приходилось помогать ей или даже самим оформлять формуляры книг её филиала. «Она всегда была поглощена чем-то своим, сокровенным. Записывала свои мысли и стихи в блокнот, стоя в очередях в магазине, в больнице, в автобусе, была живой, весёлой, жизнерадостной. Бывало, начнёт что-нибудь рассказывать, смеётся, а затем вдруг ни с того ни с сего заплачет. Уж очень эмоциональной была».

«Всё это память днём и ночью...»

Октябрина удостоилась чести участвовать в работе первого Всероссийского семинара молодых литераторов Крайнего Севера и Дальнего Востока в Подмосковье в 1977 году.

Владимир Санги, тогда секретарь правления Союза писателей РСФСР, писал, что из глубин Хибинских гор, с просторов Кольской тундры привезла на семинар свои стихи на саамском языке и Октябрина Воронова.

*Тундры белое полымя...
Стылые снежные скаты...
Человека не встретишь
За тысячу вёрст, хоть кричи.
Расскажи мне, земля,
Почему же зимою мертва ты?
Разве жизнь замирает
В холодной полярной ночи?*

(«Тундры белое полымя...»)

Санги считал, что, «возможно, не всем ценителям поэзии эти строки покажутся совершенными. Надо суметь разглядеть за нехитрым слогом своеобразный взгляд автора на мир далёкого нам Севера».

На семинаре в группе, где находилась Октябрина, руководителями были писатель Василий Ледков и московский прозаик Ван-

*Октябрина на семинаре в Ялте с писателями и поэтами
Севера и Дальнего Востока*

цетти Чукреев. Они анализировали творчество молодых начинающих поэтов и писателей. И уже после семинара были опубликованы несколько детских стихотворений Октябрины Вороновой в переводе ленинградского поэта Станислава Дорохова.

После этого же семинара родственники Октябрины из Ревды позвонили в Москву З. Е. Чернякову, беспокоясь за поэтессу. Прошло несколько дней, как она должна была вернуться с семинара, но в Ревде так и не появилась. Черняков навёл справки и выяснил, что в аэропорту у Октябрины Владимировны случился обморок. Её госпитализировали. Черняков разыскал Воронову в психиатрической больнице. В приватной беседе с врачом выяснил, что ничего страшного не произошло — элементарное нервное перенапряжение. Так ей дался семинар писателей в Подмосковье.

В личном деле Октябрины Вороновой, хранящемся в музее, я обнаружила несколько заявлений поэтессы, в которых та просила дни на оздоровление. В 1968 году берёт отпуск для поездки в Ленинград к лечащему врачу, в 1985-м наблюдается у врача-психоневролога в Ревде.

Директора библиотеки Ревды, в которой работала Октябрина, — Гуляева и Пянтанен — в характеристиках на неё пишут: «На работе она инициативна, интересно проводит массовую работу с читателями, обладает хорошими организаторскими способностями...» И тут же добавляют: «По складу характера нервозна, несобранная, на замечания руководителей и товарищей по работе реагирует болезненно».

Всё это правда. Наверно, неестественным был бы образ Октябрины Вороновой, если бы я писала о ней только одни «ахи». Мы все люди, и у каждого из нас есть свои слабости, своё прошлое...

Сестра Октябрины Ираида Владимировна в интервью однажды сказала: «Принято умалчивать факт душевного нездоровья Октябрины Владимировны. С чего все началось? Возможно, роковую роль сыграл сильный стресс, испуг, который пережила Октябрина в детстве. Как-то её взяли на покос в пойме Поноя, туда же пришёл помочь родственникам дядя Игнат. Он тогда был «в бегах», и его арестовали люди с автоматами прямо на покосе. Октябрина была напугана страшно, потом мы долго её не могли оставлять одну».*

О том, что Октябрину в детстве напугал дядька Игнат, муж родной сестры матери Октябрины Елены Григорьевны, я уже знала, только в другом контексте. Муж тётки Елены сидел в тюрьме, той трудно было управляться с ребятишками одной, и она частенько приглашала к себе бабушку Шуру с племянницей. Однажды поздно вечером раздался стук в дверь. Тётка Елена была занята, и открывать побежала Бина. На пороге стоял дядя Игнат. От неожиданности маленькая девочка громко крикнула: «Тётя Лена, дядя Игнатий вернулся!» Тётка Елена выбежала в сени, и, схватив под руку первое, что попало (а это оказался широкий охотничий ремень деда), стала бить им девочку, приговаривая: «Чего орёшь, чего орёшь, кто просит тебя орать». Октябрина, защищаясь руками, причитала: «Я нечаянно, тётя Лена, я нечаянно». Но разгневанная тетка связала племянницу, чтобы та не убежала и не рассказала о появлении в деревне её сбежавшего из тюрьмы мужа. Бабушка Александра, видя такое дело, потихоньку забралась на чердак, открыла окно и затаилась. Когда все заснули, развязала внучку и вместе с ней ушла через чердак.

После избиения Октябрина заболела, перестала говорить, ни на кого не реагировала, не улыбалась, не разговаривала. Владимир

* Попович Т. Если б назвали легендой, она бы обиделась. // Мурманский вестник. — 1998. — 26 мая.

Михайлович, отец Октябрины, переживающий за дочь, пошёл к Елене и сказал: «Ты испугала мою дочь, и Бог тебя за это накажет, а если не накажет он и моя дочь не поправится, то тебя и твоего мужа накажу я». Забегая вперед, все же скажу, что, наверно, Бог наказал Елену Григорьевну: вскоре она трагически погибла в Каневке, а её муж утонул.

Бабушка Александра причитала над Октябриной: «Уцелела бы церковь в Каменке, сняли б испуг, а теперь тебе, внученька, надо самой с недугом бороться».

Прошло какое-то время, Октябрина вышла погулять. Подружка заметила её неулыбчивость и спросила, что с ней? И тут Бина ей все рассказала и разрыдалась. Со слезами вышел и её испуг. Но последствия нервного срыва преследовали все же её всю жизнь и иногда очень сильно мучили. Рассказала мне эту историю младшая сестра Октябрины Александра Владимировна со слов бабушки Шуры.

*Я стою у крыльца,
На пороге родимого дома.
Белизна,
Белизна без конца...
Как всё это знакомо!
Знаю: холод и снег
Повторяются неоднократно.
Но года,
Что прожил человек, —
Невозвратны...*

(«Я стою у крыльца...»)

Захарий Ефимович Черняков вспоминал, что когда Октябрина начала писать стихи, то никак не могла их куда-то отдать напечатать. Как-то показала ему, Чернякову стихи понравились, и он отнёс их профессору Воскобойникову, который, оценив их самобытность, послал в Якутию, где те и были переведены поэтом М. Ясновым и напечатаны в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Полярная звезда». Когда же эти стихи в 1979 году перепечатала «Ловозерская правда» как открытие нового имени, Черняков долго смеялся: «Это надо уметь: в Ловозере открыть своего поэта после того, как его напечатали в далекой Якутии. Но такова наша жизнь».

«Истаяла любовь»

Жизнь была разная. Как бы ни увлекала поэзия, а заботу о семье рукой не отведёшь, мужа из мыслей не выкинешь. И ей уже не верилось, что когда-то они были с ним счастливы.

*Ты мне подарил ожерелье,
Черней твоих чёрных волос.
Никто ещё не был так счастлив.
Не зря же матросы в беду
Под крыльями розовой чайки
В счастливую верят звезду.
Зачем же так пело свирелью
Девчоночье сердце?
Взгляни:
За чёрным твоим ожерельем
Нагрянули чёрные дни.*

(«Ты помнишь, у моря...»)

Неинтересно ей, тесно в четырёх стенах. Хотелось к тем, кто большим делом занят... Видела: не понимал её стремления Вячеслав. И с каждым днем всё тоскливее и тоскливее становилось на душе. Любовь? Она тоже, как ни горько было это сознавать, таяла на глазах.

*Который год —
Полжизни ли, полвека —
Горел огонь в жилище человека
И всё же понемногу стал слабеть.
Однажды утром, днём ли, в поздний час ли,
Вот так же в нас огонь душевный гаснет.*

(«Который год...»)

Одна радость для Октябрины — библиотека на Пятом километре. Небольшой деревянный домишко, где только она, книги да стихи любимых поэтов: Пушкина, Есенина, Петефи. Нет, конечно, заходили и читатели, которых знала всех по имени, но они не мешали оставаться наедине с мыслями.

*Не ищу я заколдованной травы,
Не зову к себе ни ведьм и ни чертей.
Где же счастье, о котором пели вы —
Все гадалки давней юности моей?*

(«Не ищу я заколдованной травы...»)

А когда читателей не было, пела. Особенно любила песню «Не жалею, не зову, не плачу» на стихи Сергея Есенина. Пела её в радости и в горе.

Пою... Глаза слезами застит.

Пою... Слова ищу точней...

(«Тётя Настя»)

Ничто не тревожило ход её раздумий — ни пьянки мужа, ни дети, ни домашние заботы... словно улитка в раковину, заползала она, отгораживаясь от всех и вся. Горько! Молодость прошла и унесла с собой тёплые, нежные моменты любви. А в наступившей зрелости она, красивая, полная сил и энергии женщина, оказалась никому не нужна. Для кого, для чего распустила цвет её жизнь? Искала и не находила Октябрина ответа.

*Истаяла любовь, как звёздный след,
Теперь уж — точно — не услышу вовсе
Слова, что я ждала пятнадцать лет,
Пятнадцать зим, и осеней, и весен.
Не дождалась...*

Зашла я как-то к жительнице Ревды Марии Александровне Харченко, в разговоре помянули Октябрину. И поведала она мне: «Жизнь её прошла у меня на глазах. Вместе работали на Пятом километре. Я на почте, она в библиотеке. Дома наши тоже рядом стояли. Однажды встретила на улице Октябрину, испугалась: стоит почерневшая вся. Спросила, не болеет ли, не надо ли чего? Она была очень душевной женщиной, разговорчивой. Бывало, зайдёт на почту и все новости мне расскажет... Вот и в этот раз поделилась горем своим. С похорон сестры Тамары вернулась, которую зверски сожитель убил. Говорила, что Тамара из них самая красивая была, только счастья так и не увидела. Очень её жалела. Племянницу Олюшку удочерила. Мне об этом рассказывала, а из глаз ни одной слезинки не выкатилось. Наверное, по ночам все выплакала, потому и почернела вся...»

Мало радости выпало на долю и самой Октябрины. Сердце начинает щемить, когда читаешь:

*Как любила я эти края,
Утро каждое песней встречая,
Не заметила — юность моя
Отцвела иван-чаем.*

*Были счастливы мы,
Токовали весной на опушке,
А теперь в середине зимы
Я одна, как кукушка.*
(«Я стою у крыльца...»)

Найдётся ли такая душа, которая решилась бы обвинить женщину за то, что она, мечтавшая о счастье, однажды, встретив в своей библиотеке мужчину, полюбила... С каким нетерпением теперь Октябрина ожидала его прихода! Часами говорила с ним, глядела в его глаза...

*Сегодня ты явился мне во сне...
А если бы ты рядом был со мною,
Сияло б вечно солнце в вышине
И никуда не пряталось зимою.
И вечно б рядом слышался твой смех,
Не становилось в комнатах темнее.
Счастливые умеют делать всех
Радужнее, добрее и умнее.*
(«Сегодня ты явился мне во сне...»)

Поразителен вывод, который делает поэтесса: «Счастливые умеют делать всех радужнее, добрее и умнее». Как тонко подмечено состояние человека! Он счастлив — и мир вокруг него окрашивается в радужные цвета.

И если библиотека становится для неё в эти дни гаванью счастья, то дом превращается в крошечный ад. Надо не просто обстирать, накормить детей, проверить их уроки, но ещё и собраться с силами на вечер, к встрече с мужем... Нервы натягивались, словно струна, стоило только услышать неровное тыканье ключа в дверь и его пьяную ругань...

*Солнце радости заволокла
Туча скорбная
В ливне и громе.
И в душе не осталось тепла,
Как в нетопленном доме.*
(«Я стою у крыльца...»)

Но однажды Вячеслав пришел домой на удивление трезвый. Ни на кого не глядя, стал собирать чемодан. «Что случилось?» — тихо спросила Октябрина. «Уволили по тридцать третьей. Уезжаю в Боровичи. Захотите — приедете, ваше дело».

*В 8 часов отправляется поезд.
Ты уже выправил в кассе билет.
Вот и прочитана скучная повесть,
Что сочиняли мы несколько лет.*
(«Разлука»)

Приезжавшая на 65-летие поэтессы в Ревду из Петрозаводска карельская писательница Раиса Мустонен в своём выступлении сказала, что любой настоящий поэт чем-то напоминает ей человека с незаросшим, как у ребёнка, родничком на темечке. Жизнь его опасна и прекрасна одновременно потому, что он слышит Вселенную. То же можно отнести и к Октябрине.

*А когда устану я,
Мчась путями звёздными,
Возвращусь в свои края
Капельками росными...*
(«Родник»)

Рождение творческого союза

Она осталась одна. Слез не было. Скорее, почувствовала облегчение, чем утрату. Снова можно было вздохнуть свободно, расправить крылья.

*Время — лекарь земли,
Всё проходит с годами,
Забываются горе, печали, беда...*
(«Ловозерские горы лишь с виду пологи...»)

Интересно было обнаружить в архивных документах два заявления поэтессы. В одном Октябрина просит дать ей дни для занятий в университетской библиотеке города Ленинграда, а во втором — для работы в лаборатории Петрозаводского института языка, литературы и истории Карельской АН СССР. Всего несколько строк, а как

глубоко характеризуют они отношение человека к делу. Во всё Октябрина влезала с головой, докапывалась до сути, не хватая, как многие сегодня, знания поверхностные. Ведь из ничего не бывает ничего. И её поэтический багаж накапливался не только из воспоминаний детства, общения с земляками, он ещё основывался и на большой научной и архивной работе, что очень важно знать.

Она писала: «Прошло уже больше сорока на свете прожитых лет, но до сих пор, как и тогда, хотела бы я идти по новым неизведанным путям. И сейчас к земле обращаюсь: ты откликнись голосистым запевом жаворонка, полетом трясогузки, и пусть сосны напомним отшумевшую мою весну...»

*Жёлтый ветер шуршит
Облетевшей листвой, как соломой.
И от шумных порогов
Прохладой веет в лицо.
Дед и бабка сажают
В честь внучки
Сосёнку у дома:
— Приживётся. Смотри
И запомни своё деревцо...
(«Загостился сентябрь...»)*

Многое было позади, в живых не было любимой бабушки, которая мудрым словом, светом души давала силы своей внучке...

Разбирая архив поэтессы, к огромной радости, обнаружила я несколько дневниковых записей Октябрины. От многих слышала, что она все события своей жизни записывала, но дневников после её смерти обнаружить не удалось. Воспоминания людей — дело хорошее, но прочесть слово самой поэтессы — значит соприкоснуться с её мыслями, думами, глубже познать её мир.

Поэтесса писала: *«Ничто меня больше не заставит уехать из этого сурового края, где зимой и летом снег, вечная мерзлота. Подумаешь и скажешь: зачем упрямитесь, есть земля более благодатная, плодородная, где и деревья выше, урожаи лучше, солнце ласковее, но нет: „где родился — там и пригодился“. Не мыслю себе иной жизни. С утра спешить на работу, а вечером до полуночи слушать разговоры, участвовать в жизни людей. Порой слово подбадривает, поддерживают, и человек в этом добром, умном слове нуждается. Как внимательно слушал моё спокойное слово-укор одинокий неглупый*

человек. «Да что ты перестал смотреть за собой! Сам печник, а печь не в порядке, не касалась рука потолка незнамо сколько лет. Через неделю зайду к тебе, проведу». И не обманула. Пришла и всё то же увидела. „Грей чай. Попью чаю, спою тебе свою любимую песню и уйду“. Сказала — сделала. А он остался растерянный — как можно быть в настроении, да ещё песни петь, не будучи выпившим... Ещё через неделю приехала, навестила, а у человека печь отремонтированная, на кухне порядок наведён. В комнату я не проходила. Пообещала зайти через две недели или как придётся. Зашла через месяц, а у него полный порядок и в доме, и во дворе. Оказывается, человек прошел курс лечения от алкоголизма. С тех пор вот уже восемь лет, а человек так больше и не пьёт, в оркестре играет, а мне выразил недовольство, что больше не навещаю его, а тут его мать скончалась. Тяжело человеку-то. Раньше хоть она к нему забежала. Надо, надо интересоваться, как человек живёт, каково ему на душе. Доброе слово — тоже лекарство, радость общения нужна всем. Буду в селе — непременно загляну на чай. Мне это не трудно, да ему будет легче, не так одиноко в доме».

Если кто-то один —
Тихо тянется время,
Очень быстро летит оно —
Если вдвоём...

(«Как длинна эта ночь...»)

Владимир Александрович Смирнов вспоминал, как осенью 1975 года приехал в Ревду с большой творческой группой снимать фильм о Ловозерском горнообогатительном комбинате. К нему подошла «невысокая женщина в демисезонном пальто, в вязаной меховой шапочке, из-под которой выбивались тёмные пряди волос. Была она примерно моего возраста, с обветренным широкоскулым лицом, с чуть раскосыми живыми глазами. С первого взгляда я угадал в ней коренную жительницу тундры.

— Вы ведь Смирнов Владимир Александрович, — без малейшего акцента спросила она, даже не спросила, а как бы подтвердила сама себе, кивнув головой. — Я вас слышала в библиотеке и по телевизору не раз видела...

Она представилась: Воронова Октябрина Владимировна, библиотекарь (бывшая учительница), по национальности саами, пишет стихи, легенды, сказки.

— Я пишу на саамском языке, — сказала она, — но у меня есть переводы свои, подстрочные. Вы не могли бы почитать? Может быть, что-то взяли бы перевести, — уже литературно...

А я отказался. Да-да, извинился, что я сюда приехал не как поэт».*

И только после того как Октябрина уже побывала на семинарах поэтов в Подмосковье в 1977 году и в Ялте в 1980 году, в Мурманске в 1982 году был организован её творческий вечер. По убедительному наставлению и просьбе Виктора Тимофеева Смирнов взялся за переводы Вороновой. Это были стихи «Тундра моя», «Ловозерские горы», «Снег лежит в сугробах пышных»:

*Снег лежит в сугробах пышных,
Легкий, мягкий, словно пыжик.
Солнце яркое с небес
Озаряет зимний лес.*

(«Снег лежит в сугробах пышных...»)

Переводческая деятельность требовала особой точности, ясности мысли, схожести поэтических образов, верного душевного настроения автора.

Узнав о том, что у саамов, наконец-то, появился свой поэт, вернее поэтесса, пишущая на родном языке, редактор Мурманского телевидения А. Б. Тимофеев решил сделать о рождении саамской литературы передачу и пригласить на неё Воронову со Смирновым.

Когда об этом узнала Октябрина, она, взволнованная, пришла в библиотеку к Татьяне Георгиевне Устюговой, сказала, что у неё на эту передачу и надеть-то нечего, красивых туфель и тех нет: «Может отказаться?» Татьяна Георгиевна успокоила: «О каких туфлях может

*Владимир Александрович
Смирнов*

* Смирнов В. Ночлег в пути. / Воронова О. Хочу остаться на земле. — Мурманск, 1995.

идти речь, когда у вас есть прекрасные саамские бурки. Дорогая Октябрина Владимировна, вы ведь саамская поэтесса, езжайте в бурках и не переживайте». Октябрина подумала-подумала и согласилась.

Передача прошла замечательно. Воронова читала свои стихи на саамском, Владимир Смирнов — их перевод на русский. А бурки к её выступлению добавили особый, неповторимый саамский колорит.

Возвращаясь из студии с сопки Варничной, Александр Борисович Тимофеев сказал:

— Ну что ж, друзья, я рад поздравить вас с рождением творческого союза. Переводы хорошие. Могу обещать: если через год вы представите мне рукопись таких переводов, включу в план издательства книгу стихов первой саамской поэтессы...»

Распрощавшись с Тимофеевым, Смирнов пригласил Октябрину к себе домой.

Владимир Александрович — коренной северянин, помор, уроженец посёлка Териберка. Родился в 1937 году, 30 сентября — в светлый праздник Веры, Надежды, Любви. После окончания Кировского горно-химического техникума поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. Писал очень много и не только стихи, но и прозу, публицистику, а его песня «Я люблю моё Заполярье» стала неофициальным гимном Мурманска. И всё же ярче всего раскрылась его творческая натура в переводах стихов Октябрины Вороновой.

У Смирновых поэты сразу сели за работу. Октябрина читала стихотворения на саамском, затем переводила каждое слово, что не так-то просто, как кажется. Ведь и в саамском языке, и в любом другом у многих слов есть масса оттенков в значениях, синонимы, включая диалектные различия. Иногда они вместе подбирали соответствующие по значению русские слова или выражение. Иногда Октябрина, смеясь, махала рукой и говорила: «Ищи сам, что лучше поставить. Ты же всё-таки русский...»

Они проработали всю ночь, и у Смирнова появились полтора десятка подстрочных переводов. Работа над переводами увлекла. Владимир Александрович говорил: «Через стихи Вороновой как-то по-новому открылся для меня мир оленных людей».

Как вспоминает вдова поэта Роза Хабибовна, она как-то зашла в кабинет мужа и увидела: Октябрина сидит на диване, поджав ноги, и плачет. «Что плачешь? Стихи свои нравятся?» — спрашивает. «Нет, — отвечает она, — переводы Владимира Александровича. Он душу мою понимает, в его переводе тундру чувствуешь. Родное, своё...»

Когда я, общаясь с людьми, собирала воспоминания для этой книги, путь меня привел, конечно же, прежде всего в дом Владимира Смирнова. Мы удобно устроились у него в кабинете, и Владимир Александрович стал рассказывать: «С 50-летнего юбилея Виталия Маслова Роза и Октябрина домой пришли в два часа ночи, вместо того, чтобы лечь спать, стали петь песни. Пели без остановки до пяти утра. А ещё помню, мне из Москвы бандероль от Захария Чернякова пришла — пачка бумаги. Я удивился. Оказалось, Октябрина как-то пожаловалась учёному, что Смирнов испытывает трудности с бумагой, вот тот и прислал». Мужа поддержала и Роза Хабибовна: «В нашей семье у Октябрины было своё полотенце с вышитыми инициалами, жаль, после её смерти куда-то заделалось. Есть и чашка с блюдцем. У нас ведь из чашки только Октябрина пила. У Володи бокал, я из пиалы, а она из простой чашки с блюдцем. Говорила мне, что, как на пенсию уйдёт, обязательно устроится в ловозерское ателье бурки шить, но не успела... У нас, когда приезжала, сшитые для Володи липты все штопала, а вот за собой в последнее время почти не следила. Мне даже приходилось иногда ей платья стирать, болела она в последние год-два сильно...»

Владимир Александрович за свою жизнь посвятил Октябрине три стихотворения, отрывок из одного из них я хочу здесь привести:

*Солнце прорвалось сквозь облака,
Пролетели птицы вереницей,
Что-то опечалилась река,
В скорби и печали наши лица.
Что-то в жизни вдруг оборвалось,
А весна в селе уже хозяйкой,
Видно, нелегко тебе жилось,
Раз взметнулась в небо белой чайкой.*

И еще после смерти Октябрины Владимир Александрович все переводил и переводил её стихи по подстрочникам, готовил к изданию сборник «Избранное». Назвал его «Хочу остаться на земле». Спешил. О себе не думал — хотел сделать сборник Октябрины. Отдал макет в тираж, а увидеть книгу не удалось... Конец 1995 года оборвал его собственную жизнь...

Такая необыкновенная преданность Смирнова первой саамской поэтессе не может не восхищать.

«Будто сама тундра заговорила со мной»

*Я теплом делюсь,
У меня его хватит на всех.
Если чай не поможет,
В запасе есть шутки и смех.
И словами нельзя объяснить,
Как я рада гостям!..
То, что будет потом,
В одиночестве,—
Это пустяк.*

(«Не заметили как...»)

В стихах Октябрины Вороновой прежде всего подкупают откровенность и душевная щедрость. Удивительно передаёт она и оттенки Севера:

*Рдеют гроздья брусники
Средь белых застуженных мхов...*

(«Загостился сентябрь»)

Для неё природа живая, поэтому, казалось бы, неодушевленные предметы выступают как живые существа:

*Слабый ветерок задул под вечер,
Распушил позёмки снежной прядь,
Мягкую, как будто шерсть овечья,
Белую и тёплую, хоть гладь...*

(«Прорубь»)

Природа чувствует, дышит, имеет свой нрав, меняет настроение. Как человек, может мёрзнуть, гладить, вздыхать... Её вид сравнивается с живой «снежной прядью», с белой и тёплой, «словно шерсть овечья». Или вдруг в строчках начинает оживать месяц ноябрь:

*Мёрзнет улица моя.
Лёд на лужицах крепчает.
Захоложенный ноябрь
Точно пьяного качает.*

*То ползёт щенком слепым,
То летит осатанело,
За собою все следы
Заметая пухом белым.*

(«Мёрзнет улица моя...»)

Крайне важно, что Октябрина Воронова черпала свое вдохновение из многовековой поэзии своего народа. У неё особое, своё восприятие мира, органично связующего природу и человека.

*Одуванчиков круженье...
Кашки кружево резное...
И плыло воображенье,
Словно лодка по Поною.*

(«Травы детства»)

Поэтесса любит свой Север дочерней, сестринской, материнской любовью. Все стихи её в полном смысле слова пронизаны лирикой. Именно лирика питает их неподдельной сердечностью и непритворной добротой. В любом времени года она находит свою прелесть или переживает вместе со своими героями, радуется и удивляется им. Лиризм Октябрины даёт возможность решать саамам и социально-животрепещущие проблемы. Доверительным, простым тоном, правдиво она обращается к читателю, пытаясь вселить

в него жизненный оптимизм. Радует за саамского парня, что выбрал профессию отца — стал пастухом.

*С грядущим днём на первое свиданье
Спешит пастух по имени Егор.*

...
*Связать бы все пути, что вместе с ветром
Прошел он через топи, валуны, —
Наверняка бы этих километров
Хватило от Земли и до Луны.*

*Но если бы когда его спросили:
«Чем счастлив ты? Признайся до конца!»
Сказал бы:
«Пастухом стал сын Василий,
Не изменил призванию отца».*
(«Призвание»)

Здесь ничего не нужно выдумывать, идеализировать, все давно уже знают, сколь тяжёлый труд пастуха и как мало саамских парней сегодня работает в тундре. И тем ценнее для нас последние строки стихотворения, сказанные Егором без назидания, просто и искренне. Умеет поэтесса сделать читателя сопричастным судьбе своих героев, будь это люди или животные:

*Маленький олежек робко тычет
Белую мордашку в белый мох.*

....
*Соком наливаются брусника,
Солнце свет на тундру щедро льёт —
Очень скоро мама-олениха
Пополненье в стадо приведет...*
(«Над весенней тундрой гуси кличут...»)

Не надо длинных речей; многословия. Вот оно, настроение, — в нескольких коротких отрывках! Её поэзия будит в нас мир ассоциаций и сравнений, то радостных, то горьких. Я бы назвала её поэзию солнечной, несмотря на грустные, порой горькие строки. Столько света и душевности мне ещё не встречалось в женской поэзии Севера. Причём образ солнца у каждого северного поэта свой.

Например, Аскольд Бажанов, сокурсник Октябрьины по институту и земляк по Ревде, сравнивает солнце с «рыжей лайкой», и это свойственно именно ему, потому что собаки — лопарские лайки — часть его жизни. В стихах же Октябрьины «солнце огненной лодкою выплывает из-за гор...» (*«Над туманной поволокою...»*)

Сравнение с «лодкой» тоже оправданно, ведь поэтесса жила на берегу реки Поной, и лодка, как составная часть её жизни, вышла из воспоминаний о детстве и трансформировалась в образ солнца. Все это очень ценно в поэзии Вороновой, когда вполне бытовое средство передвижения по воде приобретает столь красивый поэтический образ.

Наверное, лиризм стихов Октябрьины заставил обратить на себя внимание и мурманских композиторов В. Попова, В. Матвеева, О. Алистратова, А. Ляпина, Н. Матвиенко. И зазвучали песни на стихи поэтессы.

Учитель музыки г. Мончегорска Елена Лобанова и её ученица Мария Бовыкина написали работу «Песни на стихи саамских поэтов как феномен культуры Кольского края», в которой впервые рассматривалась саамская поэзия в музыкальном жанре. Елена Александровна пишет, что тематический диапазон лирики Октябрьины Вороновой очень широк, произведён точный отбор изобразительных средств, подвижен и полифоничен стих поэтессы. Например, в «Солнечной песенке» Владимира Попова, как пишет Лобанова, неуловимо оживают прекрасные связующие звенья того, что называется малой Родиной. «Мелодия легка и изящна. Подвижной темп, светлая мажорная окраска помогают выразить радостное настроение, ощущение молодости и счастья».

Елена Александровна со своей ученицей замечают, что в стихах Вороновой много непосредственности, лёгкости, «детскости», и делают вывод, что в «...основе их простоты — опора на народные представления, на фольклор, на безыскусность народного мировосприятия».

Не оставило поэтическое слово Октябрьины Вороновой равнодушным и композитора Олега Алистратова. К 65-летию со дня её рождения у него появились три песни: «Поле жизни», «Куда же ты, обласканная птица?», «Берёза».

В 2004 году мурманский композитор Николай Семёнович Матвиенко также пишет три новые песни на стихи О. Вороновой: «Хочу остаться на земле», «Возвращение в юность» и «Семь примет», в ко-

торых продолжает фольклорную традицию создания народной городской песни, и оживают дорогие, милые сердцу каждого северянина образы...

Владимир Санги, в то время секретарь правления Союза писателей России, напишет об Октябрине следующее: «Очень важно, что первый поэт саамов ищет и находит вдохновение в родном народе, в его мудрой, многовековой поэзии, — это во многом и определило лицо автора, самобытное и яркое...»*

А Владимир Смирнов добавлял: «Будто сама тундра заговорила со мной языком стихов, песен, сказок, легенд. И оказалось, что саамский язык очень поэтический, ёмкий, богатый, образный. Я слушал стихи и песни Октябрины на саамском языке и будто глядел на родную мне Кольскую землю другими глазами».**

Октябрина Владимировна
Воронова

Вторая молодость

Один за другим выпускает Октябрина сборники стихов: «Снежница», «Вольная птица», «Чахкли»... Чувствует заботу, поддержку мурманских писателей. Пишет... пишет... пишет...

Рядом Сергей, с ним легко...

*Еще вчера лишь для меня
Казался ты чужою болью,
И в свете одного огня
Не думалось сидеть с тобою.*

(«Дровами в жарком камельке...»)

* Санги В. Снежным названием «Снежница». // Ловозерская правда. — 1986. — 07 июня.

** Смирнов В. Ночлег в пути. // Воронова О. Хочу остаться на земле. — М., 1985.

Она привнесла в саамскую поэзию душу женщины, матери, подруги, хранительницы семейного очага. Любовь вновь поселилась в её сердце, и не важно, что Сергей гораздо моложе или «а что люди скажут?» Дети — другое дело, но они выросли, у них своя жизнь. Впрочем, кто может заглянуть в чужую душу, прочесть её письмена? Никто! Тем более, если эта душа принадлежит такому непростому, неординарному человеку, как Октябрина Воронова.

Ольга Леонтьевна Ломова, муж которой работал вместе с Сергеем, рассказывала. Пришла к ним однажды в гости Октябрина, разоткровенничалась: «Сергей мне словно вторую молодость подарил. Я и года свои совсем не чувствую. Люблю так, как в юности не любила». Ольге чудно...

*Мы у солнца радости просим.
А ведь разная есть она:
Радость поздняя, словно осень,
Радость ранняя, как весна.*

(«Показаться может кому-то...»)

Октябрина продолжала лелеять в душе образ Сергея первых дней их знакомства и не хотела замечать того, что он, как и её бывший муж, стал пить, где-то подолгу пропадать, терзая её сердце ревностью.

*Что за ночь беспокойная выдалась?
Сын соседки ревет за стеной.
А пурга отгудела и выдохлась
И утихла... Но что же со мной?
Ненавистный, неласковый, ветреный,
Что же ты не пришёл, дорогой?*

(«Что за ночь беспокойная выдалась?»)

Ксения Афанасьевна Антоненко, работавшая с поэтессой в библиотеке, вспоминала: «О своей личной жизни Октябрина рассказывала сама, если хотела поделиться. Никто никогда не лез в её сердечные дела, боясь оскорбить или обидеть. Мне как-то призналась: с мужем жила — он восемь лет пил. Расстались. С Сергеем сошлась, и тот стал пить. Пришла к выводу, что от чего ушла, к тому и пришла. Я её спросила: „Зачем же он тебе такой нужен?“ „Жаль, пропадет без меня“, — ответила Октябрина».

Нервы её не выдерживали, болело сердце. Несколько раз она обращалась к психиатру. Металась, словно загнанный зверь, понимая, что любовь Сергея к ней стала остывать. Её же чувство, наоборот, разгоралось сильнее.

*Милый, если тебе я хоть чуть дорога,
Будь всегда ты огнём моего очага...*

(«Только к ночи сдержали упряжки мой бег...»)

Ей так хотелось во что бы то ни стало удержать любимого.

*Живу я — для тебя лишь сердце бьётся.
Я песнь пою — в ней о тебе поётся,
Я говорю, а в мыслях только ты...*

(«Который год...»)

И понимала: если Сергей уйдет, с ним уйдут и интерес, и радость жизни. Но сил бороться уже не было. Годы и болезни делали свое разрушительное действие. Чем держалась — одному Богу известно.

В письмах в Оленегорское общество книголюбов «Исполин» писала: «Мне советовали уйти на другую работу и получать пенсию, но не могу представить себя на другом месте без бесед с читателями, без новинок литературы, и, конечно же, трудно уйти с работы — будто бы не лишняя ещё...» Наверное, только воля и помогала ей сопротивляться.

Яблоко раздора

А тут еще навалились неприятности с Риммой Дмитриевной Куруч и Ниной Елисеевной Афанасьевой, считавшими себя знатоками саамского языка. Родная сестра Ирина их сторону приняла, товарищ по перу Аскольд Бажанов, сокурсник, и тот с ними заодно.

В письме Александре Антоновой Октябрина писала: «Разузнала я, что Иринка моя с Куруч сотрудничает, — нет слов!.. Боремся, а нас еще изнутри подрывают».

Чтобы читателю было понятно, о чем идёт речь, изложу предысторию.

В 1976 году Ловозерская школа-интернат получила разрешение возобновить преподавание саамского языка. В области обозначились две активно работающие группы языковедов. Одна —

возглавляемая молдаванкой Р. Д. Куруч, другая — под руководством А. А. Антоновой и её помощниц — Октябрины Вороновой и Екатерины Коркиной. В 1982 году выходит букварь Антоновой, а в 1987-м — он отменяется Р. Д. Куруч. По школам административным путем распространяют ксерокопированный букварь её «группы».*

22–25 мая 1989 г.

*Управление народного образования проводит проверку работы организации экспериментального обучения саамскому языку по букварю Куруч Р. Д., Афанасьевой Н. Е., Яковлевой Р. И.** в ловозерской школе-интернате и признает это работу слабой и недостаточно компетентной. В результате проверки Управление народного образования обращается в исполнительный комитет Мурманского областного Совета народных депутатов с предложением вести преподавание саамского языка в школе-интернате на проекте алфавита 1979 г. А. Антоновой, утвержденном Министерством просвещения РСФСР, а работу по апробации учебников Куруч — Афанасьевой продолжить компетентным научным организациям.****

К сожалению, и до сегодняшнего дня продолжают нападки на букварь А. Антоновой, в результате существует двойная орфография, а преподавание саамского языка сошло на нет, и сегодня саамский язык находится на грани исчезновения.

Е. Н. Коркина по поводу споров о саамской письменности писала следующее: «К сожалению, эти споры, а точнее сказать, запрет на письмо без грамматики и научной основы саамского языка принесли много вреда, поскольку за десять лет могли бы уже быть изданы все учебники по саамскому языку с первого по десятый классы, вот и появилась бы грамматика, художественная литература и, может быть, уже была бы и своя газета»****

* Смирнов В. О саамской азбуке. // Ловозерская правда. — 1980. — 22 авг.

** В алфавит А. Антоновой, для которого использованы кириллические буквы, Куруч вставляет две буквы на латинице «h» и «j», внося путаницу в орфографию саамского языка (прим. автора).

*** Письмо Исполнительного комитета Мурманской области Совета народных депутатов Управление народного образования от 13.07.1989 г. за № 2001.

**** Коркина Е. Оллмэ-вардэм-ёгкын // Ловозерская правда. — 1991. — 18 мая.

Все измеряется временем. Только оно расставляет точки над «і», вершит правосудие, а я лишь приведу неоспоримые факты — документы, показывающие борьбу, организованную названными людьми против первой саамской поэтессы.

Часть тиража «запретного» букваря Александры Антоновой пытаются уничтожить. Когда об этом узнаёт Октябрина, она несколько недель ходит больная. А вскоре и сама подвергается нападкам за свою первую книгу на саамском языке.

Захарий Ефимович Черняков — создатель саамского букваря 1933 года, автор книги «Очерки этнографии саамов» (1998), в письмах А. А. Антоновой и мне писал: «В стихах Октябрины Вороновой я ощущаю живой саамский язык. Смешной и глупой была попытка Куруч и её окружения создать так называемый „литературный саамский“. Литературным саамским языком мог бы стать в то время язык Октябрины...» И далее о музее: «А музей Октябрины должен занять место, подобное существующим музеям Блока, Вернадского, Достоевского, Пушкина, Толстого...»

Г. М. Керт, доктор филологических наук, исследователь и знаток саамского языка, в беседе со мной всказывал мнение, что латинские буквы «h» и «j» недопустимы в орфографии литературного саамского языка.

А это уже слова Андрея Эдокова, члена Союза писателей России, из статьи «Звездные войны», о том, что два мучительных года велась борьба вокруг книги Октябрины Вороновой «Ялла», противниками которой всегда выступали люди, прикрывающиеся подписью «по поручению саамской интеллигенции»: «Не все среди подписчиков были саамами и не все — это уж точно — интеллигентами. Они вели свой бой с поэтессой за то, что посмела иметь свою твёрдую позицию, за то, что писала стихи на родном иоканьгском диалекте. За то, что была и остаётся лучшей поэтессой своего народа. Её книга «Ялла» на русский язык переводится коротко — «Жизнь», а самой жизни уже не хватило... На жертвенник этой игрушечной войны легла реальная, ничем не заменимая человеческая жизнь. Ещё и теперь в частных беседах готовы противники добить Воронову, обвинить в том, что был, дескать, на лицо преступный сговор, мол, и стихов-то она своих не писала, а так, переписывала с готовых переводов коллеги и товарища Владимира Смирнова».*

* Эдоков А. Звёздные войны. У саамов есть письменность, несогласие у саамов. // Советский Мурман. — 1991. 20 июля.

Александра Андреевна Антонова

Наверное, если бы я не занялась музеем Октябрины Вороновой, не собрала её архив, слушая такие разговоры, тоже могла бы усомниться: а писала ли поэтесса стихи на своём языке? Теперь в музее хранятся несколько десятков черновиков её стихотворений, переданных А. Антоновой и И. Виноградовой. Есть и такие, что остались без подстрочников. Здесь нет подделки, фальсификации, здесь подлинные документы, написанные рукой Октябрины Владимировны.

И о том, что Смирнов писал за Октябрину, — тоже неправда. Поэты честолобивы, они не станут разбрасываться своими стихами направо и налево. Каждая интересная строка, образ — это их личная удача и это их личный успех. И говорить подобный бред могут только далёкие от поэзии люди.

О том, что нападки на поэтессу велись намеренно, подтверждает и еще один неоспоримый документ — «Выписка из протокола заседания правления Ассоциации Кольских саамов» от 16 сентября 1989 года.

«Выступали: Семьяшкин С. Б., Яковлева Р. П., Хворостухина А. Г., Пьянова Н. А., Тычук Е. Ф., Мозолевская А. Е.

Постановили:

1. Считать решение совещания в с. Ловозеро от 13 сентября 1989 года (присутствовали т.т. Пернацкий С. И., Тупицкая Т. Г., Горди-ков И. О., Акимова Р. М., Данцев, Андросова Г. И., Rogozina Л. Д., Иванова Н. Н., Селиванов В. П.) об изучении общественного мнения с целью определения, какой алфавит рекомендовать в качестве нормативного, неправомерным.

Считать вопросы создания саамской письменности компетенцией высоких научных инстанций, имеющих специалистов, занимающихся данными проблемами.

2. Считать действия Мурманского отделения Фонда культуры оскорбительными по отношению к саамской интеллигенции.

3. Обязать Фонд культуры Мурманской области ознакомить представителей саамского народа с материалами издаваемого сборника стихотворений.

4. Остановить издание сборника стихотворений Октябрьны Вороновой на иоканьгском диалекте.

5. Допустить, что на иоканьгском диалекте, не имеющем научного описания и не являющемся базовым для создания письменности, стихотворения Октябрьны Вороновой могут быть изданы как образцы саамской речи в транскрипции».

Подписи — Афанасьевой и Пьяновой.

Есть еще несколько подобных выписок из протоколов заседаний, не буду ими утомлять читателя, но вот отрывок из письма в Мурманское отделение Союза писателей секретарю И. Н. Чеснокову от 16 апреля 1991 года хочу привести.

«Уважаемый Игорь Николаевич! Мурманское отделение Всероссийского Фонда культуры в лице членов Мурманской писательской организации т.т. Маслова В. С., Смирнова В. А., Эдокова А. А. подготовили к изданию сборник стихов Октябрьны Вороновой «Ялла» на саамско-русском языке. В печати объявлено, что в ближайшее время состоится презентация этого сборника. В целях предотвращения профанации саамского языка и культуры саамского народа правление Ассоциации Кольских саамов настоятельно просит отменить запланированную презентацию книги „Ялла“».

А сколько было в Союз писателей угрожающих звонков, криков, жалоб, кляуз! Ассоциация даже в Москву умудрилась послать своего человека в надежде застопорить выход книги.

Не знаю, может быть, Н. Е. Афанасьева и Р. Д. Куруч искренне заботились о чистоте саамского языка, но, если честно, мне эта забота, превратившаяся в настоящую войну, непонятна. Почему, как в Норвегии, не дать людям спокойно выражать свои мысли на том языке, который они впитали с молоком матери, не дать печатать на нём свои книги, как это делается в Скандинавии? Уверена: для каждого диалекта нашлись бы и свои читатели. Кому сегодня нужен искусственно созданный Р. Д. Куруч язык?

В статье «Бизнес на саамах» А. Антонова, А. Мозолевская, Э. Добрынина пишут, говоря о Р. Д. Куруч, следующее. Она, «...путешествуя по стране, встретила на Кольской земле благотворительный для себя народ, у которого можно было полностью выкачать лингвистический, фольклорный, исторический материалы — выкачать духовный потенциал „за так“. Можно было безвозмездно отобрать все магнитные записи и материалы, полученные в результате поездки лингвистической экспедиции в составе Куруч, А. А. Антоновой, А. Е. Мозолевской, Л. Д. Яковлевой по населенным пунктам проживания саамов... Можно было запрещать нам сотрудничать с учёными, угрожая судом. Можно было не выпускать из кабинета, сидя на стуле у двери и вымогая нужные ей подписи под выгодными документами. Можно было угрожать дисквалификацией учителям саамского языка... Можно было своих благотворителей нагружать круглосуточной работой, чтобы никто из них не смог бы получить лингвистического образования...»*

Ассоциация, кроме Александры Антоновой и Мурманского отделения Союза писателей, настроила всех против поэтессы. И всё же, несмотря ни на что, писатели упорно вели работу по изданию её сборника стихов на саамском языке.

Поддержал их своим письмом от 13.09.1989 и Георгий Мартынович Керт. Он писал, что Октябрина Воронова — самобытный, тонко чувствующий душу своего народа поэт. «Она ценна для нас и тем, что показывает свой народ как бы изнутри своими глазами, своим эстетическим чутьем». И дальше ученый говорит, что не только этим оценивается значение её сборника, а и тем, что в условиях

* Антонова А., Мозолевская А., Добрынина Э. Бизнес на саамах // Ловозерская правда. — 1983. — 08 окт.

становления литературного письменного языка очень важно «мобилизовать» все ресурсы народного языка. Диалектная замкнутость, с одной стороны, обедняет находящиеся в стадии становления литературные языки, а с другой стороны, создаёт чувство неполноценности у представителей других диалектов в развитии национальной культуры. Сознательная «занормированность» на первых порах становления литературного языка чрезвычайно опасна... Горячо поддерживаю издание этого сборника».

«Просто надо всё пережить...»

15 ноября 1989 года Октябрьину Воронову приняли в Союз писателей СССР. Алитет Немтушкин — секретарь писательской организации Красноярского края, друг поэтессы, тут же откликнулся: «Я очень рад, что ты стала членом СП. Надеялся увидеться на съезде народов Севера, но, к сожалению, тебя не было. Могу только посочувствовать, что у тебя так сложилась личная судьба, бывает всякое. Сейчас я уже ничему не удивляюсь, действительно, жизнь прожить — не поле перейти...»

После приема Октябрьины в Союз писателей СССР в Ловозере, в районном Доме Культуры, прошел торжественный вечер, посвящённый этому событию. Артисты студии «Вдохновение» читали её стихи, исполняли песни. Ведущая вечера Любовь Нагиева рассказывала, что соприкоснулась с творчеством Октябрьины Вороновой, работая на турбазе в Кировске. Под влиянием её стихов и в горы поднялась, а затем с вдохновением читала их приезжающим в Хибины туристам. Переехав на жительство в Ревду, вдруг с удивлением узнала, что саамы совсем не знают поэзии своей землячки. А познакомившись лично с Октябрьиной Владимировной, решила провести для неё вечер. О поэтессе Нагиева говорила, что «она — поэтическая жемчужина малой народности Севера, чистое, искреннее дитя природы. Такое впечатление, что к ней привыкли, что она воспринимается обычным человеком, а ведь к ней надо „подходить“ как к человеку творческому, идти от её таланта».*

Вступление в Союз писателей — радость большая, да слишком поздно пришла. Холод все ближе подползал к душе Октябрьины... Отекали ноги, лицо, стало трудно подниматься на пятый этаж.

* Кузнецова А. Будет всегда вдохновение. // Ловозерская правда. — 1990. — 17 февр.

*Выступление Октябрины
в Ловозере в свой 50-летний юбилей*

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
П РА В Л Е Н И Е

ВЫПУСКАЕТСЯ ПОСТАНОВЛЕНИЕМ СЕКРЕТАРИАТА

Протокол № 30 4 1968 ноября 9

СЛУШАЛИ: ПРИЕМ В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.
(У. Писатели)

ПОСТАНОВИЛИ: Принять в члены Союза писателей СССР поэта-эпоса
ВОРОНОВУ Октябрину Владимировну (Мурманск)
И.и. Председатель правления СП РСФСР — С. Николаев
Верно: *[подпись]*

СП СССР, Воронов О.В., Мурманской п/о, Ленинград РСФСР, СП РСФСР, в дело.

ПОСЛАНО: *Николаеву Вал., Воронину Владимиру
Ефимову, по Мурманской ссылке.
В. Писатели.*

*Документ о приёме Октябрины Вороновой
в Союз писателей СССР*

А ведь председатель Ревдинского поселкового Совета на виду у всего зала на вечере в Ловозере вручил ей символический ключ от новой квартиры. Сначала обещали трехкомнатную, затем двух-, только ниже этажом, затем...

12 мая 1990 года Виктор Леонтьевич Тимофеев, тогда ответственный секретарь Мурманской областной писательской организации, писал председателю поселкового Совета Ревды А. И. Филяеву: «Уважаемый Алексей Ильич! Мы знаем Ваше душевное отношение к Октябрине Владимировне Вороновой, члену Союза писателей СССР, потому и обращаемся к Вам с просьбой: по мере возможности ускорить получение ею двухкомнатной квартиры...» Но обещанную квартиру первая саамская поэтесса так и не получила.

Октябрина перестала смотреться в зеркало. Зачем? Для кого жить? Сергей ушел. Болела душа за сына, но и ему она была не нужна. У парня свои интересы, своя компания...

*Лечь давно бы пора,
Надо спать в это время.
Только я до кровати
Дойти не могу.*

(«Как длинна эта ночь...»)

Как ненавидела она водку! Было смешно и горько слышать вдогонку шёпот, мол, вот до чего дошла, вместе с сыном пить начала, вся опухла от водки. Не обижалась, жалела людей. Откуда им знать, что отекающей да опухшей её делает болезнь. И не дай Бог тем, кто говорил это, на себе испытать то, что приходилось испытывать ей.

Кому нужна? Ответа не было. Значит, никому! Слышала она одно и то же в ночи.

*Не буду я плакать,
Не буду заламывать руки.
Рыдать, голосить о прошедшем
Лопарке нельзя...*

(«Не буду я плакать...»)

Знавшие близко Октябрину вспоминали, что в последнее время она тяжело болела. В доме всё было заброшено, не прибрано, но её это не беспокоило. Она вся отдавалась поэзии. Для Оли, удоче-

ренной племянницы, писала записки: «Я дома» или «Меня нет», что значило: расположена она кого-нибудь принимать или нет. В то время у Октябрины уже были «отключения» (кризы). Мозг как бы засыпал, и она жила словно в полусне. Потому и ценила каждое мгновение бодрствования. Писала днём, писала ночью, когда просыпалась, писала всегда, покуда были силы.

Разве думали про это те, кто направил всю свою энергию против выхода её книги на саамском языке?

Владимир Пожидаев, директор Областного краеведческого музея, в июле 1995-го, передавая в музей имени Октябрины посвящение ей, недвусмысленно высказал то, что считал правдой:

*Когда убивали саамскую речь
Бездушным ножом алфавита,
Пришла она звуки родные сблечь.
И тоже убита... Убита!
Убита словом...*

Родничок

*Человек,
Современник,
Ты тоже стремишься к народу,
Ты впадаешь в него
Так, как в море впадает река.
Только лишь у народа
Богатства бескрайни, как воды,
И, наверно, поэтому
Щедрость его велика...*

(«Как упрямо река...»)

Душа Октябрины Вороновой сильнее, острее других впитала боль и печаль своей земли, своего народа.

Сколько саамов в России? Чуть больше полутора тысяч. И это на протяжении многих веков! А почему? Да потому, что народ, живя в гармонии с природой и будучи защищённым ею, тем самым сохранял свой этнос. А что теперь?

Простодушные саамы с доверием принимали все постановления, спускаемые сверху. Сначала по велению московских владык лапландских саамов повсеместно привели к православию, убедив, что

Захарий Ефимович Черняков

их вера в многочисленных богов и духов не истинная. Затем новый указ: Бога нет. Поручили церкви. Стали приобщать к культуре больших народов. Открыли школы по ликвидации неграмотности, подготовили специалистов из коренных жителей. Для изучения саамского языка на Кольский полуостров прислали целый отряд учёных. В 1933 году выпустили саамский букварь Чернякова. А с началом репрессий, финской войны владение родным языком у саамов рассматривалось уже как признак национализма, за который можно было угодить в тюрьму. Это привело к тому, что к кон-

цу XX века саамская молодёжь практически перестала говорить на своём родном языке.

Октябрина так же, как многие её сверстники, едет учиться в город на Неве. Ей радостно сознавать, что она, саамская девчонка из глухой маленькой деревеньки, приобщается к большой мировой культуре. И это неплохо, потому как в ней крепка ещё генетическая память предков, жив язык народа, его предания, сказы, традиции, велика ответственность за родной Север.

*На все чудесные края,
Что за лесами, за полями,
Моё родное Заполярье
Не променяю в жизни я.*

(«На все чудесные края...»)

А ведь когда-то, по окончании института, Октябрину приглашали учиться в аспирантуру, ехать осваивать степи Кустаная. Отказалась. Рвалась домой, где ждали её помощи родные. И только через много лет мысль о дальнейшей учебе вернулась к ней: к учебе в аспирантуре в Научно-исследовательском институте национальных школ при Министерстве просвещения РСФСР.

К поступлению туда её готовил З. Е. Черняков. Несмотря на свой преклонный возраст, учёный ездил к ней в общежитие заниматься немецким языком. Вступительные экзамены Октябрина сдала.

В музее хранится письмо от заведующего аспирантурой Р. Хайруллина от 4.10.1980 директору ЦБС С. П. Пянтонен, в котором сообщается, что «в соответствии с планом НИИ национальных школ МП РСФСР в конце октября с. г. аспирантка 3-го курса заочного отделения Воронова О. В. должна сдать кандидатские экзамены по иностранному языку и диалектическому и историческому материализму». Но... превратности судьбы, постоянные выпивки мужа не дали ей завершить учебу.

Опека сильных мира сего над саамами становится все сильнее. Народ отрывают от его корней, сгоняя в более крупные посёлки. Это не из книги вычитано, а на памяти Октябрины, когда её деревушку признали неперспективной и выселили из неё людей. Это её мать рыдала, уезжая из родного дома.

*На берегу Поноя
Построен дом давным-давно.
Но ни зимою, ни весною
Не светится его окно.
Угрюмый, тёмный, словно келья.
Не въётся над трубою дым.
Дом пуст и молчалив, как Кейвы,
Грядой встающие за ним.
(«Дом у реки»)*

Семья Октябрины покинула родные места в 1966 году. Добирались до Краснощелья на лодке, гребли веслами, в полной тишине. Никому не хотелось уезжать из обжитых мест. Душа рыдала, покидая Чальмны-Варрэ, но оставаться жить там было уже нельзя. Власти сделали всё, чтобы нарушить ход жизни людей. Впереди всех ждала новая жизнь. И только «глаза леса» смотрели им вслед.

*Как закрою глаза — вся вселенная
Будто сгинет в тумане сыром.
А открою — увижу селение,
Деда, снасти, котёл над костром...
(«Как закрою глаза — вся вселенная...»)*

Октябрина Владимировна Воронова

Это только в песнях радостно поют: «Увезу тебя я в тундру», на деле жизнь пастухов — холод, пробирающий до костей, никогда не просыхающая до конца одежда, отсутствие женского общества... Но саамы не привыкли жаловаться на свою судьбу: это был их выбор. С приходом Советской власти на просторах тундры стал внедряться новый быт. Возможно, делалось это из лучших побуждений, но в результате нарушалась связь природы и человека. Саамы теряли навыки исконных занятий предков и, напротив, приобретали новые дурные привычки, в частности — пристрастие к алкоголю. Как итог — вымирание народа.

Октябрине Владимировне равнодушие чуждо, но, поднимая проблемы народа в своём творчестве, она говорит о них в мягком,

нераздражительном тоне, где-то даже шуткой... Другое дело, какой болью отзываются они затем в сердце читателя.

И почему это именно ей, женщине с нелёгкой судьбой, суждено было стать первой? А корни уводят нас в самую глубь, в саамскую мифологию, где материнское начало преобладало во всем: Солнце-мать, Огонь-мать, Мать-луна, Мать-вода, Мать-земля, Мать-смерть, Тундра — тоже мать. Материнское начало в саамском мире и по сей день существует. Может, потому и рождению саамской литературы тоже сопутствовала женщина-мать?!

Поэты — категория особая, с «не зарастающим родничком на темечке». Они могут предугадывать разрушение мира много раньше, чем оно станет проявлять свои признаки. Октябрина — из них. Она остро чувствовала трагедию своего народа. Понимала, что саамы, брошенные во время перестройки на произвол судьбы, стали разменной монетой в руках бессовестных политиков. Да разве только саамы! Эта участь постигла практически все малые народы России.

Разумеется, приобщение к культуре большого народа — явление доброе, но у большого народа и интеллектуальная прослойка значительная. А у малых? Подобных Октябрине — единицы...

Однажды разговаривая об Октябрине с Владимиром Александровичем Пожидаевым, я услышала его размышления по поводу того, рано или поздно приходит человек на эту землю. Одни говорят о неординарном человеке, что вот, якобы, слишком рано родился, ему бы погодить. Но бывает и так, что уж слишком поздно приходит талантливый человек на землю, не в свою эпоху, а когда цивилизация ему только во вред. По мнению Владимира Александровича, подобное случилось и с Октябриной Вороновой. Те перемены, которые принесла саамам революция, дали народу больше минусов, нежели плюсов. Люди природы, веками наследующие дела своих предков, вынуждены были отрывать от родовых мест, принимать чужие, навязанные им условия жизни.

Энергетика прошлых эпох зарядила чистый и высокий дух, открыла тайны природы, мировая культура дала знания, и Октябрина выделилась в своей среде. Но вместе с тем ей катастрофически не хватало соответствующей атмосферы, общения на родине с равными себе. И в этом ещё один из истоков её трагедии.

Октябрина

Когда убивали саамскую рать
бездумным ножом алравита,
пришла она звуки родные сбрезь.
И тоже убита... Убита!

... Эй древний петрозлиго стиральной доской
саурил на резном мелководье,
лаская рисунков бесплотной рукой
напис девичьи узоды.

Избраннику тоной он нежно брызнул
букет толосов неолита...

Теперь нас лишили магических сил,
упреков в тюрьму алравита.

Остались на воле лишь сорок из ста.
И те вдохновеным Смирнова
по возрасту казни Ивана Христа
уже прекрестной снова.

В консервные банки кирилловских букв
закатаны песни Тлонос.

По-русски страдает обрезанный звук.
И стонет залив от запов.

Сейчас двадцать восемь латинских солдат
грозят им удушливый пленом.

Блуждает восход, пламенет закат.
Живое становится тленом.

Июль 1995 г.

В. Пожидаев

Как говорит А. А. Антонова: «Не умела Октябрина за себя постоять. Ей было легче о ком-то побеспокоиться или написать об этом стихи. Она постоянно нуждалась в слушателях, что и влекло её в «путешествия» в Ловозеро, где звучала родная речь. Ей было сложно быть среди людей, далеких от её мыслей, дум. Казалось, вот её сородичи, рядом, а она всё равно чувствовала себя одинокой».

Вернувшись из Ленинграда, а затем из Боровичей назад в Лапландию, она не находит здесь ни поддержки, ни понимания. Люди, далёкие от поэзии, злословили: мол, и не хозяйка она, и в доме у неё вечно не убрано... В письме Антоновой поэтесса выкрикнула свою боль: «Я бываю в творческих поездках... В Ловозере всегда встречаю какую-то духовную преграду, соперничество... Это в родном селе, где все меня знают, я не могу сказать, прочитав все, что имею».

Это прекрасно, что переводчик ее стихов Владимир Смирнов намеренно сохранял в текстах саамские наименования и названия, такие как: чуэз — полярный воробей, Чальмны-Варрэ — саамское поселение, луввът — эпическая песня, другие. Прекрасно, что вывел саамскую поэзию на уровень мировых литературных традиций, в которых есть общечеловеческие понятия, такие, например, как любовь:

*И читаю бессмертного Петефи,
И родные слова нахожу —
Это кажется чудною сказкою.
Открываю в дремотной ночи,
Что любовь —
На венгерском, саамском ли —
Одинаково близко звучит...*

(«Что за ночь беспокойная выдалась...»)

Поэтесса открывает для себя вечную, как мир, истину — любовь одинаково близко понятна всем народам. Это ещё раз подтверждает, что она замечательный, уникальный побег на древе своего народа, но чтобы выжить, нужны и соответствующие условия. Поэтому особенно ценна для поэтессы была поддержка мурманских писателей. Это они привлекли Октябрину к организации Праздника славянской письменности. Как удивились земляки Октябрины, когда увидели её в родном Ловозере рядом с такими известными писателями, как Владимир Смирнов, Владимир Санги, Геннадий Юшков... Внимание более опытных товарищей по перу вдохновило Октябрину.

Она активно взялась за проведение Дня саамского слова и коми языка.

*А наша жизнь — она
С костром не схожа разве?
Кто в ней горит до дна
И в будний день, и в праздник,
Сам становясь как стяг
Для всех людей планеты...*

(«Огонь костра сродни...»)

Талант! Он обрекает человека на огромный груз ответственности, возлагаемый на него Господом. И ноша эта не из легких. Наверное, потому взлёты и падения талантливого человека дают такую акустику в обществе. Всем хочется непременно знать тайну его избранности, но... Тайна так и остается тайной, потому как никто не может постигнуть замысел Божий, сделавший человека проводником своих мыслей между прошлым и будущим. Избранность Октябрины, простой, обычной, ничем с виду не примечательной женщины, многим сородичам не давала покоя. Они хотели постичь её тайну, но так и не постигли. И сколько бы люди ни узнавали подробностей жизни поэтессы, тайна творчества с каждым годом будет отдалять её образ всё дальше и дальше от повседневности жизни, превращая в ещё одну красивую легенду саамского народа о талантливой дочери тундры.

*И верится в родном своём краю,
Шагая по распахнутому лугу,
Что я гнездо по-новому совью,
И все начнётся по второму кругу.*

(«Истаяла любовь, как звездный след...»)

Памяти товарища

С болезнью Октябрина все больше теряла интерес к жизни.

*Тик да так —
Приходит старость...
(«Часы»)*

Инсульт перенесла относительно легко. Когда встала на ноги, сын спросил, почему у неё перекошено лицо. Медленно подошла к зеркалу... Смотрела минуту — и рассмеялась: «Бывает, сынок».

*Мы думаем порой:
Ушло отчаянье,
И снова жизнь бурлит у нас в крови.
Но сами слышим только песнь печальную
О той давно исчезнувшей любви...
(«Уйдет пурга...»)*

Когда себя такой увидела, впервые возблагодарила Бога за то, что Сергея нет рядом. Пусть последние дни с ним были напряжёнными, но в его памяти она останется такой же, какой он впервые увидел её. Она смеялась, глядя на себя в зеркало, и понимала, что скоро конец.

Александр Павлович Котлов, работавший с 1965–1970 годы председателем Ревдинского поселкового Совета, вспоминал, что в те годы Октябрина Владимировна Воронова на Пятом километре у него была правой рукой. Проводила лекции, беседы, вечера, выборы, и всегда на неё можно было положиться. Знал — не подведёт. По воспоминаниям Котлова, она была молодой, интересной, полной жизненной энергии женщиной.

26 января 1973 года в характеристике на Октябрину Владимировну Воронову, написанной заведующей отделом культуры Гуляевой, говорится: «По итогам соцсоревнования в честь 50-летия образования Союза ССР работа библиотеки, возглавляемая Вороновой О. В., признана лучшей в Ловозерском районе».

Выйдя на пенсию, Александр Павлович Котлов стал видеть Октябрину гораздо реже, а в последнюю встречу летом 1990 года сразу даже и не признал. Встретил около библиотеки. «Шла она поникшая, сгорбившаяся. Мы поздоровались и прошли мимо друг

*День саамского слова, 22 мая 1993 года.
У мемориальной доски О. Вороновой в Ревде*

*Могила Октябрины Вороновой
на кладбище в селе Ловозеро*

*Мемориальная доска
на Центральной библиотеке
поселка Ревда*

друга. Вдруг слышу, она меня окликает. Подошёл. Опустив голову, спрашивает: „Александр Павлович, у вас не найдется рубля три, еды не на что купить“. У меня трёшки не было, дал пять рублей... Больше её уже не видел. Слышал, болела очень...»

Роза Хабибовна Смирнова вспоминала, что за несколько дней перед тем, как они получили известие о смерти Октябрины, ночью в их квартире раздался телефонный звонок, на проводе была Ревда. Октябрина много плакала в трубку, жалуясь Розе на Афанасьеву и Куруч, на то, что больше не может выносить их нападок и унижений. Говорила о прочитанном интервью, которое дала Нина Елисеєвна корреспонденту «Ловозерской правды». Из телефонного разговора Смирнова поняла, что Октябрина находится в сильно подавленном состоянии, как могла, подбодрила её, но... Через несколько дней Владимиру Александровичу сообщили о её смерти.

С Октябриной Александра Антонова бок о бок прожила тридцать с лишним лет, почти до последнего её часа. За неделю до смерти связь у них прервалась. Телефон молчал. Октябрина не звонила и не отвечала на звонки. Оказалось, за три дня до смерти, по словам сына Алексея, она впала в глубокую депрессию, прочитав очередной пасквиль по поводу её книги «Ялла». Врачи отправили поэтессу в больницу в город Апатиты. Там, не произнеся ни слова, она скончалась. Произошло это 16 июня 1990 года. Октябрине Владимировне было 56 лет.

В некрологе, опубликованном в «Ловозерской правде», писалось: «Ушёл из жизни верный, надежный, чуткий, беспокойный, отзывчивый товарищ, добрую, светлую память об Октябрине Владимировне Вороновой сохраняют все, кто её знал».*

Но если бы не мурманские писатели, свои соотечественники-ловозерцы о поэтессе даже и не вспомнили бы.

Ольга Андреевна Перепелица, родная сестра Александры Антоновой, саамская поэтесса, в 1993 году писала в газету: «Было это 3 октября. По радио шли передачи, посвящённые памяти поэтессы Марины Цветаевой. А я слушала и мысленно спрашивала: кто же поставит памятник нашей саамской поэтессе Октябрине Вороновой? Буквально в тот же вечер получила ответ. Поразительно! Я познакомилась с писателями, которые возвращались из Ловозера, где поставили каменное надгробие на могиле Вороновой. Огром-

* Воронова Октябрина Владимировна. // Ловозерская правда. — 1990. — 21 июня.

ное спасибо от всех, знавших близко Октябрину, руководству Ловозерского ГОКа, всем добрым людям за чуткость, сердечность, за память о человеке, чьи стихи несут что-то новое, необыкновенное. Значит, остался добрый след её в наших сердцах».

В продолжение письма Перепелицы скажу, что по убедительной просьбе писателей руководство Ловозерского ГОКа открыло на фасаде библиотеки в Ревде и мемориальную доску с портретом поэтессы. Но это всё заботы писателей и ревдинцев, а где же сородичи Октябрины — ловозерцы? К сожалению, они и после смерти ещё долго игнорировали имя Октябрины Вороновой.

Мурманские писатели в некрологе «Памяти товарища», не разбрасываясь пустыми фразами, сказали о том, что «среди двенадцати мурманских писателей Воронова была не только первой саами, но и вообще первой писательницей-женщиной. На все наши собрания она вносила какую-то теплоту, уют, атмосфера вокруг сразу же становилась живой и доброй. Можно с уверенностью сказать, что книги её (в том числе и новые, которые ещё только готовятся к выходу) будут жить очень долго, как и память об авторе — Октябрине Владимировне Вороновой»*.

Александра

*Снег. Цветы. Берез молчанье.
Тишина и птиц полёт.
Вновь на скорбное свиданье
Память нас к тебе зовёт.*

Так написал в посвящении саамской поэтессе ловозерец Алексей Назаров. Каждый год 22 мая в День саамского слова и 6 октября, в день памяти Октябрины Вороновой приходят на могилу поэтессы писатели, поэты, родственники, друзья, школьники.

*Год прошёл с последней встречи,
А вокруг опять друзья,
И горят печально свечи,
Жаль, позвать тебя нельзя...*
А. Назаров

* Памяти товарища. // Полярная правда. — 1990. — 20 июня.

Александра Андреевна Антонова с горечью рассказывала о жизни своей подруги Октябрины Вороновой, что, как многие из саамского народа, она жила среди алкоголизма и неустроенности: ни условий работы, ни понимания. Постоянное безденежье, и на всё необходимо было иметь великое терпение. Да ещё возраст... вот однажды и не смогла выйти из состояния депрессии. Как-то после длительного молчания Октябрина, размышляя над чем-то, тихо, без улыбки, говорила: «Знаешь, Саша, а ведь в жизни добро делать куда сложнее, чем творить зло». Ей трудно было понять, почему свои саамы стараются сделать ей больно, унижить, ущемить, совершенно не оценивая то, что она делает...

*Александра Антонова
в молодости*

На протяжении всего повествования я упоминаю имя Александры Антоновой, но о ней самой не сказала ещё ни слова. Кто же она, Александра Андреевна, или просто Саша, как называла ее Октябрина?

Родилась 5 мая 1932 года в чуме в Териберской тундре в семье оленеводов Антоновых. Отец её, Андрей Емельянович, и мать, Марина Артемьевна, — добрейшие люди. До революции держали своих оленей, каждое лето выезжали на остров Кильдин промыслять на семужьих тонях рыбу. Марина Артемьевна вышла замуж в шестнадцать лет и родила мужу десятерых детей. Александра — шестая.

С раннего детства все дочери Антоновых умели прекрасно прясть шерсть, вязать, вышивать. Александра Андреевна вспоминала: «Пока последнему свяжешь, у первого уже порвётся». Причём, все дети с любовью относились к своим обязанностям, всем не

*Александра Антонова
на Саамских играх.
Фото А. Степаненко*

терпелось увидеть результаты своего труда, услышать похвалу старших. А уж как Александра умела малицу сшить, не многим так удавалось! Все в один голос пророчили — мастерица растёт. Редко у кого наружный шов получался таким красивым да ровным.

В 1942-м Шура Антонова пошла в школу. А в 1943-м детей отправили на сбор угля. В одной из статей И. Ф. Ушакова о Териберке прочла: «Более пяти бочек золы собрали для удобрения земель колхоза им. Ворошилова школьники пос. Териберка. Особенно активны были

сестры Шура и Валя Антоновы». Вот так весточка военного времени через документы дошла и до наших дней.

А однажды мама сказала Шуре: «Хватит учиться, в доме помощница требуется». И всё лето в сердце своём дочь носила печаль, а когда пришла осень, мама, наверное, забыла о тех словах, и Шура вновь пошла в школу. Шла, боясь оглянуться назад: вдруг мама, вспомнив о хозяйстве, остановит и вернёт домой.

После школы Александра мечтала пойти в ФЗО учиться на электрика. Но Георгий Михайлович Дмитриев, троюродный брат Шуры, преподававший в школе физкультуру, настоял, чтобы шла учиться на педагога. Сам-то он из Института народов Севера на фронт танкистом ушёл, не доучился, вот и хотел, чтобы хоть сестра институт закончила.

Две недели Шуру уговаривали. Из райкома комсомола приходили, но она стойко сопротивлялась, затем ей купили билет, дали в руки документы, посадили на пароход и отправили одну в далёкий Ленинград. Нигде не бывавшая до тех пор Александра не помнит, как и добралась до северной столицы. Запомнила только, что было на ней в ту пору ситцевое коричневое, в мелкий цветочек, платье да чемодан в руках. Так в 1949-м Александра Антонова стала студенткой Института народов Севера. Первой из саамов, кто приехал учиться после войны.

Александра вспоминает, что Октябрина была в институте очень общительным человеком и, раз увидев кого-то, поговорив с ним, считала его уже своим хорошим знакомым. В институте у неё было много добрых друзей, так как все ценили её простоту и лёгкость в общении.

Александра была другого склада, приглядывалась к людям, оценивала их дела и только после этого или приближала к себе, или нет. Окончив институт в 1956-м, до 1978 года работала в Ловозерской школе учителем, позже директором школы-интерната № 2, учителем саамского языка в школе № 1, сотрудником НИИ национальных проблем образования Академии педагогических наук СССР. В 1979-м у нее выходит в свет «Саамь букварь», а в 1982-м — (совместно с Октябриной Вороновой и Екатериной Коркиной) «Книга для чтения» на саамском языке.

На личную жизнь Антонова не сетует. Родила в Ленинграде сына Сергея, растила и воспитывала его одна. Он окончил Первый медицинский институт им. Павлова тоже в Ленинграде и работает по настоящее время в Мурманской областной больнице. Выросли у Александры и две замечательные внучки, которые заканчивают свое образование в университетах Мурманска и Санкт-Петербурга.

А если вернуться к научной деятельности Антоновой по созданию саамской письменности, то стоит напомнить, какие у неё возникали сложности с Р. Д. Куруч, о которой уже шла речь.

В 1983-м у Александры новая победа — в эфир вышла первая передача саамского радио, и хоть она длилась всего пару минут — это был настоящий праздник. С 1991 по 2000 год каждый четверг в 14 часов раздавались позывные Ловозерского радио «для тех, кто владеет саамским языком или учится этому языку». Вела передачи Александра Антонова.

В последние годы она много времени уделяет переводам и своему поэтическому творчеству. Вышло в свет несколько ее поэтических сборников.

От своих сородичей она отличается огромным трудолюбием, целеустремленностью, деятельностью. Ей уже исполнилось 80 лет, а в бездействии я её не вижу, кипучая натура Александры постоянно ищет дела. Порой даже забываешь о её возрасте. Вот каких людей нужно побольше саамскому народу — истинных патриотов своего дела и своего народа, тогда бы меньше было пустой болтовни, а больше дела.

В жизни не всегда бывает время чудес

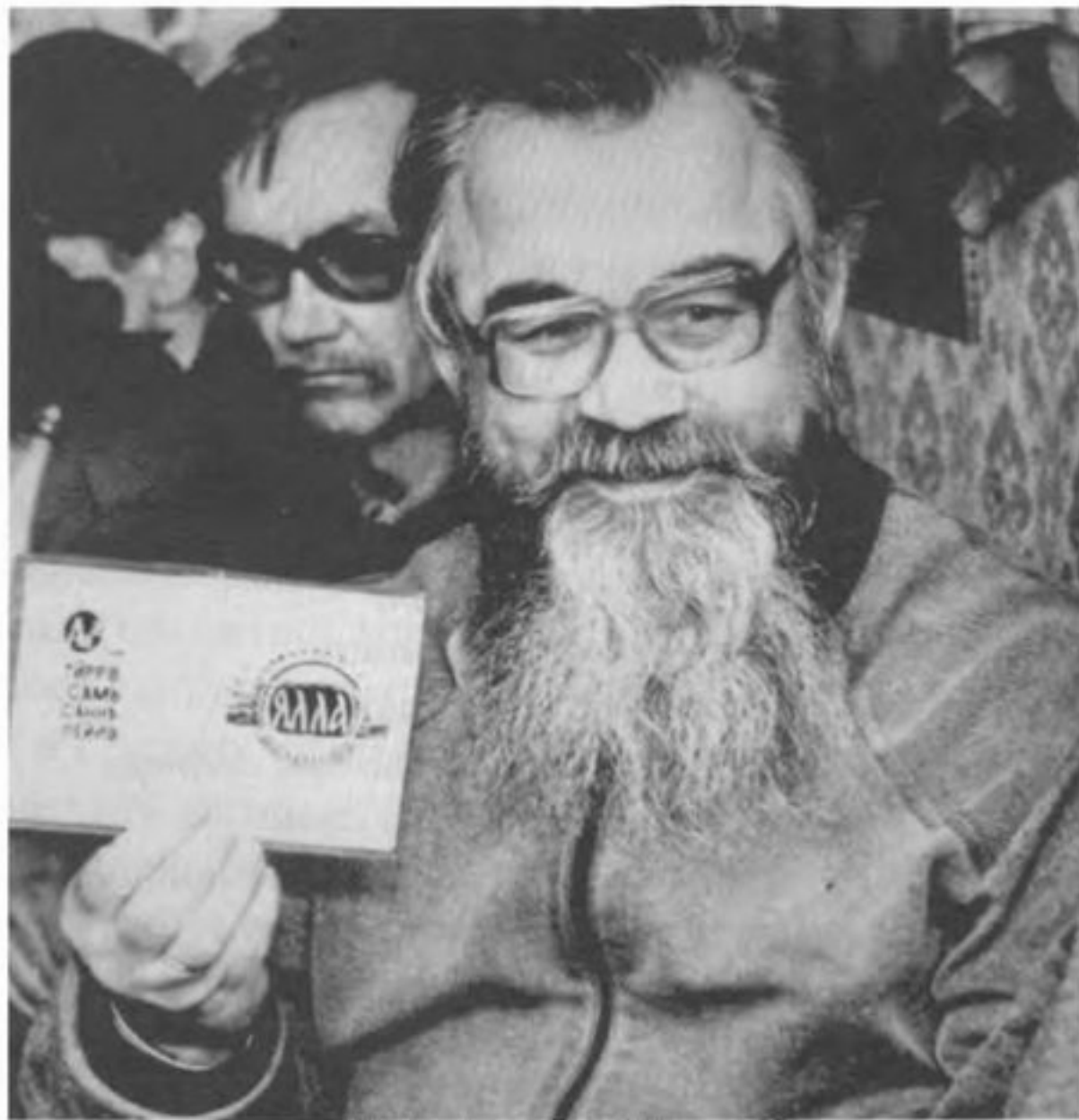
Молодым сегодня гораздо легче идти по дороге, проторенной Октябриной, ей же, как никому из моих земляков, пришлось познать всю глубину саамской жизни. Несмотря ни на что, она всегда верила в высокое и доброе начало. В этом была вся Октябрина.

*Совсем не зря гласит молва,
Что в нашей жизни быстротечной
Людской работы кружева
Намного зимних долговечней.
Их руки нежные плетут.
И в днях, бегущих чередою,
Они творцов переживут,
Поскольку сделаны с душою...*

(«Как помню я себя с тех пор...»)

Отвечая на вопрос анкеты: «Что побудило вас взяться за перо?», Октябрина Владимировна ответила так: «Я по национальности саами. И стихотворение по-саамски ко дню начала учёбы сына написала. Русских поэтов хороших много, поэтому я и не писала стихи на русском». А на вопрос «Почему?» пояснила: «Хотелось сказать правду на родном языке о людях, о себе, о жизни».

И далее в интервью корреспонденту «Полярной правды» продолжила свою мысль: «Наверное, если бы я почувствовала, что стихи саамам чужды, я бы не писала их или складывала бы свои сочинения в шкаф, как героиня чеховского рассказа „Ионыч“. Но в том-то и дело, что душа саама открыта красоте в любом её проявле-

Виталий Семёнович Маслов

нии. Помнится, ждала я на остановке в Ревде автобус и потихоньку читала знакомой своё новое стихотворение. Вдруг вокруг нас образовалось плотное кольцо людей, мне показалось, они слушали не дыша. Я стала читать громче, другие стихи.

— Ой, как складно-то, как хорошо, кто ж тебя так научил говорить? — спросил один старый саам.

— Ты, дедушка, и научил, — отшутилась я, хотя вовсе не шутила».*

Вспоминала Октябрина Владимировна и как впервые творчество её оценила бабушка, в детстве ещё это было. Бина, нянчась с ребяташками, пела им песню. Бабушка спросила: «Ты где эту песню слыхала? Я что-то не припомню такой». Бина сказала, что сама придумала. «Значит, это твоя песня?!» Бабушка посмотрела на девочку, будто впервые увидела её. Коротенькое платьице, чулки рваненькие... На минуту куда-то вышла, а вернувшись, протянула Ок-

* Калиниченко А. Бисер не рассыпать.// Полярная правда. — 1983. — 08 марта.

тябрина новые красивые вязаные носки: «Вот, наось, надень их, умница, это тебе за песню твою».* Таков был первый литературный гонорар саамской поэтессы.

Я уже упоминала карельскую писательницу Раису Мустонен, так вот, она считает, что читатель читает не книги, а в книгах самих себя, потому, наверно, и она обратилась к стихам Октябрины Вороновой. Ведь «книги — это живой дух», и, задавая мысленно поэтессе волновавшие её вопросы, получала в стихах ответы на них, например: «Почему многим пишущим сейчас не пишется, в том числе и мне?»:

*Когда дождями мрак
спрессован — все птахи
скрыты под листвой.
Конечно, можно петь при солнце.
Попробуй в непогоду спой.
(«Июльский полдень»)*

На 60-летие поэтессы Яков Черкасский написал:

*Воспоминаний не отрину,
Их час давно уже приспел,
И вот я вижу Октябрину,
Читающую нараспев.
О, этот облик доброй, старой
Колдуньи, близкой и родной!
О, «Чальмны-Варрэ, Чальмны-Варрэ» —
Речитатив её грудной...*

Октябрина Владимировна умерла совсем не старой — 56 лет. Но болезнь, которая в последние годы навалилась на женщину, состарила её не по годам. Многим поэтам, с кем она общалась или кто бывал на её выступлениях, представлялась гораздо старше своих лет, неся в себе что-то колдовское, завораживающее...

*Я тропкой пройду,
Я озёрную стынь заколдую.
Пусть видит весна
Не седую меня — молодую.*

* Смирнов В. Ночлег в пути. / Воронова О. Хочу остаться на земле. — Мурманск, 1995.

*Шаманом кричу надо льдом,
Чтобы легче я стала.
Дойду до поляны.
Цветы, словно счастье,
Достану!*

(«Подснежники»)

У писателей принято говорить: от счастливой жизни стихов не пишут или из счастья поэты не рождаются. И это справедливо. Разве писала Октябрина, когда была счастлива с Вячеславом? Нет! Тогда всю её переполнял любимый. Стихи стали появляться, как дневник, когда пришли сомнения, мучения, горечь переживаний. Только тогда захотелось выплеснуть своё состояние в стихотворные строки. В песне, как в старину, бывало, саамы в ловтах, высказать свою боль или увековечить мимолетные счастливые мгновения.

Люди, далёкие от поэзии, не принимавшие Октябрину всерьёз, старались очернить её, но таких людей стоит только пожалеть. Ведь они, кроме грязной лужи на земле, не в состоянии больше ничего разглядеть, и мир такого человека открывается только в серых тонах. А Октябрина!? Её мир был радужным, несмотря ни на что. Она в своих мыслях уносила высоко к небу, к звёздам...

*Порой в одиночестве думаю я:
Все искры жилищ превращаются в звёзды.
Пусть годы проносятся.
Внучка моя
Покажет любимому вечером поздним
Звезду наших предков над древним селом...*
(«Звезда»)

Я спрашивала Александру Андреевну о причинах смерти поэтессы. «Их много. Нежелание соплеменников принимать её серьёзно, как поэта, зависть... А грязная эпопея с неприятием книги „Ялла“? Она особой обидой на душу её легла. Но если говорить по большому счёту, то и в личной жизни ей не везло. Думала, с Сергеем будет все хорошо — не вышло».

По словам Антоновой, Октябрина была очень общительной в кругу близких друзей, но среди большой массы людей она терялась, старалась не привлекать внимания, быть незаметной. Редко высту-

пала на крупных совещаниях в Ловозере, а тем более в Мурманске, хотя в подготовке к мероприятиям принимала сама активное участие, легка была на подъём. Редко что-либо оставляла на потом, всегда была готова прийти на помощь.

*Как помню я себя — с тех пор
Живу средь праздников и буден.
Полвека светит мой костёр,
Даря тепло хорошим людям.*

(«Как помню я себя — с тех пор...»)

Любила петь до бесконечности, любила детей, людей, животных, любила весь мир, природу, цветы, была трудолюбива, но трудолюбива для людей, для дома её уже не хватало. Потому домочадцы порой от этого очень страдали. Была открыта людям, совсем не умела хитрить, приспособливаться, всегда оставалась верной своим принципам.

Ученица 9-го класса ловозерской средней школы Юля Данилова, работавшая над экзаменационным рефератом о жизни и творчестве поэтессы, взяла несколько интервью у людей, хорошо знавших Октябрину. Первый вопрос: «Чем больше всего вам запомнилась Октябрина Воронова?»

Нина Елисеевна Афанасьева отметила её белозубую улыбку, радость к жизни: «Все свои горести она несла сама, ни у кого не прося помощи и не жалуясь».

Если бы ещё, зная об этом, Нина Елисеевна помогала Октябрине, а не поддерживала Куруч, было бы совсем хорошо. Ну да ладно, сейчас не об этом речь.

Зоя Ивановна Брылева, научный сотрудник Ловозерского краеведческого музея, рассказывала, что как-то попала в гости к Октябрине и увидела у неё дома большое количество книг, огромную библиотеку. Книги лежали в разных местах: на полу, на столе, на подоконнике. «Чувствовалась её рассеянность. Она даже как-то сама рассказывала, что случайно, задумавшись, сочиняя стихотворение, уехала в Оленегорск... В ней не было напористости, она не могла требовать что-то. Была как бы отключена от реальной жизни. Октябрина — лирик, романтик, часто подверженная меланхолии, с детским восприятием мира. Это очень ценно. Наверное, она была птицей, но не маленькой, я бы сравнила её с тяжеловесной птицей — уткой, гагарой... душа её всё время парила в небесах».

Эмилиии Константиновне Добрыниной Октябрина запомнилась грустной и печальной, хотя и была всегда жизнерадостной, улыбающейся. Последняя их встреча произошла на мосту в Ловозере. Тогда же Октябрина подарила Эмилиии Константиновне картину с розой. «Мы были знакомы довольно близко, на мосту я вдруг увидела в её выражении огромную грусть и тоску на лице. Это меня очень поразило. Хотя действительно последние годы для неё были трудными, давало о себе знать и нездоровье. Всё это в единый миг запечатлелось у меня в памяти. Может, оттого что это была наша последняя встреча...»

Софья Ефимовна Якимович, саамская песенница и сказительница, тоже знавшая Октябрину, написала поэтессе своё посвящение:

*Лесом пахнет в нашем доме –
Это запах из корзины,
Лист остался на ладони –
Вспоминаю Октябрину.
Она ягодой скатилась,
Злые люди растоптали.
Как судьба несправедлива!
Давит сердце груз печали.
Недописанные строки...
Не успела Октябрина...
Сдула с ягоды листочек,
Сыплю ягоды в корзинку.*

В музей имени Октябрины приходит много детей. Приносят мне свои красиво оформленные работы с её стихами, рисунки, а однажды ученица 6-го класса Ревдинской средней школы № 1 Даша Шаповалова принесла две сказки про Октябрину. Первую назвала «Любимый месяц Октябрины», а вторую — «Октябрина потерялась в лесу». Я уже говорила, что имя поэтессы в народе превращается в легенду, так оно и есть, коль дети стали сочинять о ней свои сказки, придумывая собственные сюжеты, не имеющие никакого отношения к реальной жизни поэтессы. Но они искренне верят, что всё, что пишут, происходило с Октябриной на самом деле. И это прекрасно!

А ведь Октябрине Владимировне ещё надо было найти в себе силы стать поэтом, чтобы открыто высказывать свои мысли! Это тоже преодоление себя, огромного психологического барьера — говорить людям правду. Поэтому и слово, сказанное ею, донесённое до нас в стихах, уже не исчезнет.

При жизни Октябрину мало кто принимал, а тем более понимал. Но она оставила нам огромное завещание в стихах, мысли о родине, доме, родной речи, ласковое материнское слово, слово любви.

*Пусть всех дней моих туже колечко, —
В сердце боль начинает стихать.
Поле жизни — оно бесконечно,
Да другим это поле пахать.*
(«Поле жизни»)

Что такое поэт, писатель? Талант? Правильно, талант. Но это не все. Он может вспыхнуть мгновенно и сгореть ярко и быстро, на лету, если вовремя не подхватить его, не помочь. Ведь «сгорела» Октябрина, так и не получив поддержки от своих сородичей. Только после смерти многие саамы оценили по достоинству творчество поэтессы, а ведь нужна была такая малость — внимание! Выслушать, поддержать, подбодрить, одобрить...

Но, несмотря ни на что, можно с уверенностью сказать, что саамская литература Кольского края уверенно заняла достойное место среди других литератур мира, сохраняя глубинность саамского языка, его историческую ценность, дух древнего народа, предания, сказы. Сегодня саамские поэты не просто повествуют, они стараются проращивать своим творчеством корни для духовной опоры, как это издревле делали их предки, как делала Октябрина и как должны будут делать их дети и внуки. Потому что все, что создается, — это ради их человеческой самооценности, самоуважения, укрепления духовных внутренних сил, прочувствования себя жизнеспособным человечеством, а не вымирающим этносом.

Во время работы над этой книгой мне часто приходила мысль: почему в моём воображении Октябрина Воронова возникает молодой? Ведь я знала поэтессу ровно десять лет до её смерти. Видела, как болезнь изменяла и старила её. Но как бы ни думала о ней, все равно она представлялась мне молодой. И однажды ночью, размышляя над этим, я вдруг поняла: Октябрина предстает передо мной не в своей физической оболочке, а в духовной, душа её навсегда осталась молодой. Обрадовавшись своему открытию, я успокоилась, но только до того момента, пока не прикоснулась к описанию чужой жизни, любви, чужой боли, от которой словно обожгло, пальцы немели, душу обволакивала тоска...

*Куда же ты, обласканная птица?
Остыл очаг былых горячих дней,
И что тебе в родном гнезде не спится,
Неужто воля впрямь тебе нужней?
Лети, от ветра свежего шалея,
Держа большое тело на весу.
Мне холодно, но я не сожалею.
Мне тяжело, но груз я пронесу.
Живи, моя обласканная птица,
В своём небесном, голубом раю,
Но если вновь придётся приземлиться,
Ты знай: я больше песен не пою!*

(«Куда же ты, обласканная птица?»)

Октябрина и была птицей! В своих мечтах, в своём творчестве она летала высоко и пела свою песнь, звонкую и светлую, всем и только ему. О чувстве восторга перед любовью и жизнью... Но в жизни не всегда бывает время чудес...

Именованная поэтесса

Мурманская писательская организация узнала об Октябрине Вороновой после того, как та побывала на семинарах в Подмоскowie и Ялте. Её сразу же пригласили в Мурманск, организовали встречу с литераторами. Пришло человек пятьдесят. В течение четырёх часов Октябрина Владимировна на саамском языке читала стихи, пела, тут же пересказывая их смысл. После вечера Виктор Леонтьевич Тимофеев, в то время — секретарь писательской организации, предложил нескольким поэтам взяться за переводы стихов саамской поэтессы. Затем в Ловозере по поводу выхода книги Аскольда Бажанова был организован творческий вечер. Присутствовали писатели В. А. Смирнов, В. Л. Тимофеев, Т. Сухорукова, профессор А. А. Киселёв, редактор телевидения А. Б. Тимофеев. На вечере свои стихи читала и Октябрина Воронова. Сначала на саамском, затем в переводах Владимира Смирнова и Тамары Сухоруковой. Вдруг из зала раздался голос работника райкома партии т. Харлиной, мол, вы говорите, что пишете на саамском, а ловозерские

саамы вас не понимают. Октябрина достойно ответила: «Рядом с вами сидит женщина, которая не знает моего диалекта, поэтому и не понимает, о чём я читаю, я же знаю и свой диалект, и её». Этими словами начинающая поэтесса навсегда завоевала уважение мурманских писателей. И с этого момента она уже постоянно находилась под их защитой.

Ещё до выхода первой книги Октябрина Воронова участвовала во всех делах писательской организации, а будучи по натуре тихой и скромной, без суеты выполняла поручения. В 1986-м стала одним из зачинателей Праздника славянской письменности и культуры, в котором участвовали мурманчане Владимир Смирнов, Виктор Тимофеев, Виталий Маслов и другие; москвичи Юрий Кузнецов, Валентин Устинов, Владимир Личутин, Владимир Крупин, Семен Шуртаков, Владимир Бондаренко.

Не просто так этот праздник соединил и писателей малых народностей: Геннадий Юшков представлял народ коми, который первым стал применять славянскую графику. Владимир Санги — нивх, создатель букваря нивхов. Октябрина Воронова — первая поэтесса, пишущая на саамском языке. Мало того, ещё и единственная женщина-писатель на этом торжестве.

В рамках проведения «Дней Баренцева моря», во время которых проходил первый праздник Дня славянской письменности в областной научной библиотеке, в Доме культуры имени Кирова, в педагогическом институте, состоялись встречи читателей с саамской поэтессой Октябриной Вороновой.

По программе праздника писатели разбились на группы и разъехались по районам области. В Ловозерский район приехала группа в составе Владимира Смирнова, Владимира Санги, Геннадия Юшкова и Октябрины Вороновой, и в этом ей была оказана огромная психологическая поддержка. Ведь свои-то её не воспринимали серьёзно, как воспринимали писатели области и центра. Правда, говорят, нет пророка в своём отечестве. Пока жив человек — он кажется заурядным, как все, а стоит ему покинуть мир — и словно пелена сходит с глаз людей, мол, рядом жила, а мы не оценили... А ведь Октябрина ещё явилась и одним из организаторов Праздника саамского слова.

*На первом Празднике славянской письменности в Мурманске,
24 мая 1986 года*

*На первом Празднике славянской письменности в Мурманске,
24 мая 1986 года*

В 1987 году Мурманским отделением Союза писателей РСФСР было принято решение о проведении Дня саамского слова, а также Дня поминовения просветителя саамов Феодорита Кольского. Октябрина Воронова принимала участие в решении этого вопроса. А в 1989-м в Ловозере состоялся праздник, посвящённый первому Дню саамского слова. Был проведён круглый стол с участием писателей и саамской интеллигенции. В этом же году Мурманское книжное издательство выпустило книгу стихов Октябрины Вороновой для детей — «Чахкли», в переводах С. Дорохова, И. Козлова и В. Смирнова.

Ещё при жизни поэтессы поэт Николай Доризо посвятил ей своё стихотворение «Родной язык»:

*Родная речь моя, я так горжусь тобой,
Обогадившей род наш человеческий,
Но пусть вовеки мощный твой прибой
Не захлестнёт слова саамской речи.
Любой язык по-своему велик —
Бесценное наследство вековое,
Так берегите свой родной язык
Как самое на свете дорогое.*

Вновь всё сошлось на поэтессе. Родные ей языки: русский и саамский, а позже и коми обрели по достоинству свои праздники. Ведь не кто-нибудь, а Октябрина Воронова вместе с Александрой Антоновой участвовали в сотворении письменности для своего народа.

Виктор Тимофеев вспоминает, что в жизни она была крайне неброской личностью, а с годами, с болезнью... Не знавшие её никогда бы не сказали, что Октябрина — поэтесса. Одевалась она скромно, даже более того, бедно.

*Наряды мои и скромны, и недороги.
Где тут отыскать и фасон, и красу?
Наверное, в них бы стеснялась я в городе,
А здесь-то — кого мне бояться в лесу?*

(«Наряды мои и скромны и недороги...»)

Отчасти и из-за этого старалась она укрыться за плечи своих товарищей, хотя и обладала колоссальной щедростью души. Тимофеев говорил, что в содружестве с ней и талант Владимира Смир-

нова раскрылся ярче. Образнее стали его собственные стихи, богаче речь. Владимир Александрович даже не заметил, как эта тихая женщина столь сильно повлияла на его творчество.

Когда Октябрина приехала на праздник в своё село с такими большими писателями, как Санги и Юшков, всем удивительно было сознавать, что она знакома, дружна с ними. Райкомовским работникам и в голову не приходило, что за этой «серенькой» женщиной, как многие её себе представляли, стоит столь мощный Союз писателей СССР. Никто тогда не мог даже предположить, что пройдет каких-то лет пять, не станет Октябрины, райкомов, жизнь перевернётся с ног на голову, а творчество её будет светить светочем чистой живой поэзии. Несмотря на огромные трудности с изданием её стихов, поэзия маленького народа саами не умирает. Следом идут её товарищи: Александра Антонова, Катерина Киркина, Эльвира Галкина... Именно свет её поэзии ведёт их вперед, а значит, ведёт и весь саамский народ.

Несколько раз писателями поднимался вопрос о присвоении улицам г. Мурманска имён поэтов Владимира Смирнова и Октябрины Вороновой. Состоялось даже заседание общественной комиссии по наименованию и переименованию улиц и площадей Мурманска, на котором были рассмотрены предложения о новых названиях некоторых улиц. В результате дискуссии большинством голосов было решено рекомендовать администрации Мурманска присвоить новым улицам в 405-м микрорайоне имена Владимира Смирнова и саамской поэтессы Октябрины Вороновой. Об этом в газете «Мурманский вестник» сообщил пресс-центр администрации Мурманска, но на этом всё и закончилось...

В сентябре 1994 года к 60-летию поэтессы в «Ловозерскую правду» пришло письмо от Станислава Бородкина, работавшего когда-то в Ревде в клубе «Горняк» директором. Он решил поделиться с ловозерцами своими воспоминаниями о встречах с Октябриной Владимировной. Говоря о сборниках поэтессы «Снежница» и «Вольная птица», Бородкин писал: «Да, это была вольная птица, и рамки сельской библиотеки были тесноваты для неё... В её стихах чувствуется печаль по прошлым временам. И это улавливает читатель: хочется вместе с ней пройти по заброшенным местам Чальмны-Варрэ, проплыть в лодке по Поною, забраться на Ловозерские горы, побродить

* Бородкин С. Вольная птица. // Ловозерская правда. — 1994. — 19 февр.

по тундре в любое время года. Всё это в стихах Октябрины Вороновой, которая действительно была в них вольной птицей. Такой она и осталась в моей памяти, а значит для меня она — живая».*

Выступая на 60-летию поэтессы, Виктор Тимофеев говорил о том, что дарование Октябрины Вороновой чистое, не испорченное «измами», столичными болезнями. Речь идет о первой именованной основоположнице народной саамской литературы. Её стихи словно «золотое оружие», как и само имя Октябрины, которое мы должны передать будущему поколению. И далее, уже в своём посвящении Октябрине, Тимофеев пишет:

*Многие чужой продались песне,
Клюнули на подкуп и обман.
Есть цветущий чукча европейский,
Есть и манси — питерский шаман!
Ей такое было не под силу —
Жить, как в эмиграции? В гостях?
Поучилась, как бы — погостила,
И к своим, что ждут в родных местах.
Жить — как все саамы. Радость, горе,
Притесненья, беды — всё делить.
Праотцов могилы не позорить.
Жить — как чувствовать,
Как думать — говорить...*

Голос Октябрины продолжает звучать и сегодня. Смысл жизни. Вопросы бытия. Какой след мы оставим после себя? Поэтесса думала об этом:

*Я лишь тогда обрету состоянье покоя,
Если однажды узнаю, поверю в такое:
Людям нужна я во всякие дни и года.
(«Времена года»)*

И ещё:

*Хоть малым лучиком во мгле —
Хочу остаться на земле...
(«Хочу остаться на земле...»)*

Не зря бытует фраза, что всё прекрасное рождается в муках. Это правда, и это относится к книге Октябрины «Ялла».

После выхода первого саамско-русского сборника Виталий Маслов, секретарь писательской организации, председатель Мурманского отделения Фонда Культуры, договаривается о переиздании книги на коми-саамском языке в переводах Е. Козлова и С. Попова. Далее «Ялла», или «Илебц», выходит на ненецко-русском языках в переводах Прокопия Явтысыя. Сделаны переводы на финский язык Свенном Локко и на шведский — Натальей Берг. Дело осталось за немногим — найти деньги на издание. Виталий Семенович сказал, что книгу первой саамской поэтессы необходимо издать на всех северных языках Европы потому, что её поэзия общечеловеческая, а значит, общемировая.

Из Правления Советского Фонда культуры от её председателя академика Д. С. Лихачева пришла телеграмма: «Примите самую глубокую благодарность за книгу на саамском языке, выпущенную Мурманским отделением Фонда культуры. Вы сделали очень благородное дело».

Выпуску книги был рад и академик Никита Ильич Толстой. Подписывая гарантийное письмо, мудрый Никита Ильич, достойный в этот миг своего великого деда, сказал: «Для такого дела и свою последнюю копейку отдать не жаль».

И горько было слушать Владимиру Александровичу Смирнову на похоронах Октябрины елейную речь Р. Д. Куруч «об огромной утрате, которую понесла молодая саамская литература». А через несколько дней читать её же заявление в областную прокуратуру на писательскую организацию и Мурманское отделение Фонда культуры, «которые, несмотря ни на что, не приостанавливают в типографии работы над книгой Октябрины Владимировны Вороновой «Ялла» («Жизнь»). Поэт писал, что «недолгая жизнь Октябрины Владимировны Вороновой — это тоже подвиг во имя своего народа, во имя его культурного развития, его духовного возрождения. 1 июня 1990 года Октябрина оформила заявку в Мурманское издательство на свою новую книгу (и сдала рукопись), а 16 июня её не стало».*

* Смирнов В. Ночлег в пути. / Воронова О. Хочу остаться на земле. — Мурманск, 1995.

Обложка сборника Октябрины Вороновой «Ялла»

«Щемящее чувство утраты ощущал каждый, кто пришёл на презентацию нового сборника стихов саамской поэтессы Октябрины Вороновой „Ялла“. Для всех она в близкой памяти, и с трудом осознаёшь, что её не стало. Этот вечер, вечер встречи с поэтессой, был всё же печальным, хотя и было чему радоваться — впервые за годы Советской власти вышел сборник стихов, пусть и небольшой, но на саамском языке», — писала 4 июня 1991 года «Ловозерская правда».

Катерина Коркина подтверждала печаль тех людей, которые работали с Октябриной: «Очень жаль, что она сама не увидела своей книги, что болезнь и споры вокруг саамской письменности и её книги „Ялла“ унесли её жизнь...»

Галина Константиновна Кравцова рассказывала, что Октябрина Владимировна очень любила Ревду, но Ловозеро — больше. «Наверное, поэтому её там и похоронили, только зачем сына Алексея, — сетовала она, — от матери оторвали». (Через полгода сын Октябрины Алексей был убит одноклассником и похоронен в Ревде).

И добавляла: «Мне кто-то говорил, будто приходит в сон к тому человеку Октябрина и говорит: „Плохо, что сынок мой, Алешенька, далеко от меня лежит, всё время приходится его навещать“».

Всё у нас как-то не по-людски делается. А если суммировать несчастья, выпавшие на долю поэтессы, её родни, то перечень получится тяжёлый. В годы репрессий расстрелян дед — священник Михаил Распутин, сидел в тюрьме отец. Пил муж... Ушел Сергей... Её саму за книгу «Ялла» довели до роковой черты. У дочери Елены в Боровичах пропал первый муж — вышел в тапочках вынести мусор и более никто его не видел. В Петрозаводске убита сестра Тамара. После смерти поэтессы через полгода в компании ребят убит сын. У младшей сестры в 1996 году при пожаре в доме погиб сын...

В силах ли была бы вынести Октябрина и это? Наверно, нет, ей хватило и тех переживаний, которые выпали при жизни.

*Уходим все —
С бедой, с печалью,
Прощаясь с отчими местами...
Дорога может слиться с далью,
Но даль дорогою не станет.*

(«Дорога»)

Подходя к завершению повествования о первой саамской поэтессе, я хочу напомнить, что выход книги «Ялла» был настоящим праздником для ценителей саамской письменности, «рекой-путеводительницей», которая дала путь новым ручейкам и начала разливаться в большую полноводную реку, а потому не зря были усилия, нервы да и сама жизнь Октябрины, положенная на алтарь зарождения саамской литературы.

Саамская письменность прошла долгий путь от Феодорита Кольского до Александры Антоновой и не сгорела, не стлела, не стерлась временем в памяти саамского народа, подтверждением чему являются стихи Октябрины Вороновой и тех, кто идёт следом, стихи, написанные на родном, материнском языке. И в этом есть надежда, что письменность выживет. Сама того не подозревая, Октябрина навечно утвердила саамское слово в Русской Лапландии.

А всё, что поэтесса не успела написать, собрать, она завещала нам, её последователям.

*Вот потому
В пургу ль, в тиши,
Средь гор крутых и тундр убогих
Свети, костёр моей души,
Всем, кто находится в дороге.*

(«Как помню я себя...»)

«Да, она не всё успела сказать при жизни, но ещё многое скажет посмертно. Сердце, пылающее любовью к народу, не может молчать и после смерти», — так написала в посвященной ей статье Александра Антонова. Когда я в Ловозерье готовила 60-летний юбилей поэтессы, Виктор Тимофеев заронил в мою душу мысль о книге, посвященной жизнеописанию первой саамской поэтессы, и мысль о создании музея саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой. Во время работы над рукописью, над созданием музея происходило для меня открытие творчества Октябрины Вороновой, потому стоит сказать её же стихами:

*Но главное твоё богатство
Осталось в нашем мастерстве.*
(«Тетя Настя»)

Октябрина осталась в памяти людей первой саамской поэтессой, любимой и читаемой. Потому что стихи её тревожат чуткие сердца людей своей правдой, стремлением к вечным истинам любви и добра. Они горят внутренним огнем красоты, потому что её стихи живые, они явлены народу.

Не боясь признаться, что ни появилась литература на саамском языке, ни положи свою жизнь на зарождение её Октябрина Воронова, саамский народ утратил бы вскоре и свой родной язык, свою культуру, свои корни, незаметно растворившись в огромном мире многонационального народа России. Поэтому выход книги Октябрины Вороновой «Ялла» на родном иоканьгском диалекте по сути своей явился духовным подвигом саамской женщины и поэтессы. Впрочем, если внимательно вчитаться в имена саамских писателей и поэтов, то увидим, что в основном это женщины — именно они взяли на себя сегодня огромную ответственность перед будущим поколением за сохранение своего народа, за сохранность саамского мира, культуры, языка. А кто как не женщина в саамской семье яв-

ляется хранительницей очага! Потому-то и тот огонь, что зажгла в саамской литературе Октябрина Воронова, уже не угаснет, а со временем разгорится сильнее и ярче. Нужен только срок.

Впервые побывавший на Ловозерской земле мурманский поэт и прозаик Викдан Синицын посвятил ей идущие от сердца строки:

*...За кладбищенскою оградой —
Поле жизни, где снег растаял,
Распахать и посеять надо
Тем, кто после тебя остались.
Вьюги нынче отголосили
Над твоею могилой мёрзлой.
Наклонилась к тебе Россия
Белоствольной твоей берёзой.*

Вспоминаю нашу последнюю встречу. Начало июня. Я возвращаюсь с работы домой. Навстречу Октябрина. Как всегда, поздоровались. И — разошлись. И вдруг одновременно обернулись... Мне кажется, мы так до сих пор и стоим — глаза в глаза...

*Ревда
1994–2002*

СОДЕРЖАНИЕ

Загадочная страна Лапландия	4
«Это было давно...»	6
Матрёна-прародительница	7
Чальмны-Варрэ	8
Камни Поноя	13
Род Матрёхиных	16
Октябрина	21
Колыбель детства	23
Учителя	25
Ловозерский интернат	28
Судьба	31
За сказками на Поной-реку	32
Институт народов Севера	36
Муж да жена	42
«Всё на свете имеет свой голос и звук...»	47
«Всё это память днём и ночью...»	49
«Истаяла любовь»	53
Рождение творческого союза	56
«Будто сама тундра заговорила со мной»	63
Вторая молодость	66
Яблоко раздора	68
«Просто надо всё пережить...»	74
Родничок	77
Памяти товарища	85
Александра	88
В жизни не всегда бывает время чудес	92
Именованная поэтесса	99
«Ялла — значит жизнь»	106

Литературно-художественное издание

Надежда Павловна Большакова

ОКТЯБРИНА

Повествование о первой саамской поэтессе

Октябрине Вороновой

Издание осуществлено при содействии
Комитета по взаимодействию с общественными организациями
и делам молодежи Мурманской области
и государственного областного бюджетного учреждения
«Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера»
в рамках долгосрочной целевой программы
«Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных
народов Севера Мурманской области» на 2012-2016 годы.

Издатель Игорь Опимах

Лицензия ИД 06507 от 26.12.2001

184651, г. Полярный Мурманской области,
ул. Лунина, д. 14

Тел.: +7 921 734-84-56, (815-51) 7-37-97 (факс)

e-mail: opibook@gmail.com

www.opibook.ru

Подписано к печати 25.12.2012. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 4,15. Тираж 500 экз. Заказ № 19-97

Отпечатано в тип. ИП Шушкова О. Н., 184651 г. Полярный Мурманской обл., ул. Лунина, д.14.

Линия Матрехиных

Бабушка
Матрехина Александра
Ивановна

Дедушка
Матрехин Григорий
Трофимович

Бабушка
Евсеева Анна Петровна,
1888

Линия Распутиных

Дедушка
Распутин Михаил
Иванович, 1881

Мать
Матрехина Клавдия
Григорьевна, 1910

**Октябрина Владимировна
ВОРОНОВА**
·1934–1990

Отец
Матрехин (Распутин) Владимир
Михайлович, 1909

Дяди и тети
Матрехины:
Елена Григорьевна
Александра Григорьевна
Лаврентий Иванович
Степан Трофимович
Иван Трофимович

Дяди и тети
Распутины:
Иван Михайлович, 1913
Михаил Михайлович, 1904
Марина Михайловна
Ольга Михайловна, 1907
Филиппова Калерия
Михайловна, 1901
Дембицкая Анисия Михайловна
Евсеев Александр Михайлович
Юдина Мария Михайловна, 1902

**Двоюродные братья
и сестры**
Артиева Макрида
Лавреньевна, 1918
Окатов Михаил Лавреньевич, 1913
Матрехин Иван Лавреньевич, 1929
Рочева Анна Лавреньевна, 1933

Двоюродные братья и сестры
Боккоева Тамара Ивановна, 1933
Евсеев Александр Александрович
Сидорова Ирина Александровна
Распутин Виктор Иванович, 1937
Распутин Юрий Иванович, 1938
Распутин Евгений Иванович, 1944

Двоюродные племянники
Окатов Виктор Михайлович
Окатов Владимир Михайлович
Иванова Тамара Михайловна
Окатов Борис Михайлович
Савинова Полина Васильевна
Громова Вера Васильевна
Рочев Иван Васильевич
Рочева Татьяна Васильевна

Дети
Федорова Елена Владимировна, 1961
Воронов Алексей Владимирович, 1965
Удочеренная дочь
Матрехина Ольга Павловна, 1977

Внучки
Федоровы
Диана и Арина

Двоюродные племянники
Боккоев Николай Николаевич, 1965
Боккоев Юрий Николаевич, 1966
Распутин Анатолий Юрьевич, 1958
Распутин Александр Юрьевич
Канева Алевтина Юрьевна, 1960
Распутин Владимир
Викторович, 1965
Мастерова Людмила
Викторовна, 1962
Сидоров Игорь Сергеевич
Сидорова Екатерина Сергеевна

Родные братья и сестры
Виноградова Ирина Владимировна, 1937
Матрехина Тамара Владимировна, 1941
Коварнина Александра Владимировна, 1945
Матрехин Владимир Владимирович, 1948
Матрехин Юрий Владимирович, 1952

Родные племянники
Виноградов Александр Александрович
Виноградов Михаил Александрович
Матрехин Николай Александрович, 1960
Коварнин Алексей Петрович, 1966
Коварнин Артем Петрович, 1967
Лукинская Елена Петровна, 1969
Филиппова Анна Петровна, 1971
Игнатович Галина Петровна, 1975
Коварнина Василиса Петровна, 1984
Матрехина Наталья Владимировна
Матрехина Светлана Владимировна

Матрехина
Александра Ивановна

Матрехин
Григорий Трофимович

